

Инкогнито с Бродвея

Автор:

Дарья Донцова

Инкогнито с Бродвея

Дарья Аркадьевна Донцова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей #40Иронический детектив (Эксмо)

Нет, ну какому нормальному человеку понравится оказаться в центре грандиозного скандала, когда твое имя упоминается в связи с кражей и, того хуже, с убийством?.. А вот папенька Виолы Таракановой страшно доволен – это же какой пиар! А то, что его дочь обвиняют в смерти целительницы бабы Тоси и об этом трезвонят все СМИ, – сущая ерунда! Конечно же, убийцей знахарки оказалась вовсе не Виола и даже не внезапно появившаяся у нее сестра Фаина. Хотя, может, Фая и не родственница вовсе, а просто однофамилица. Виола надеется на последнее: новоявленная сестренка – особа не из приятных и просто-таки редкостная лгунья...

Дарья Аркадьевна Донцова

Инкогнито с Бродвея

© Донцова Д. А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

То, что ты не получил, всегда намного желаннее того, что у тебя уже есть...

– Какая сумочка... – мечтательно произнесла Фаина, указывая на фото в гламурном журнале. – Роскошная прелесть!

– Ваша тоже очень красивая, – улыбнулась я.

– Дешевка, – грустно покачала головой Фаина, – трехкопеечное барахло. Не могу позволить себе по-настоящему хорошую вещь. А так хочется все отсюда!

И она похлопала ладонью по глянцевому изданию.

– Здесь столько прекрасных, но совершенно недоступных мне вещей: платья, юбки... Но главное – сумки! У меня точно сумочная болезнь, я их обожаю.

– Ваш ридикюль очень красивый и модный, – заметила я, – на мой взгляд, он намного симпатичнее того, на который вы показываете.

– Ну, ничего так, внешне приличный, – вздохнула Фаина. – Но я-то знаю, что он не из натуральной кожи и куплен в грязной лавчонке, где посетительнице кофе-чай-шампанское не предложат. Грустно от этого очень. Кто-то в красивый бутик ходит, а я на его витрину посмотрю, у входа потопчусь и иду за обновкой в лавку за китайским дерьмом.

Я поставила перед ней чашку с латте и тоже села за стол.

– Открою секрет: большинство известных, очень дорогих брендов шьет свои вещи в азиатских странах. В Европе надо много платить рабочим, а, например, в Китае рынок труда намного дешевле. Ваша сумка замечательная.

– Куда ей до той, из журнала, – снова вздохнула Фаина.

Я промолчала, подумав: для некоторых людей то, что им не под силу купить, всегда лучше того, что у них есть, поэтому они несчастны.

– Я так благодарна вам за то, что меня приютили! – сказала гостья.

– Временно, – быстро напомнила я, проглотив очередную ложку овсянки, – пока вы не найдете квартиру. И мы договорились, что вы потратите на поиски не больше месяца.

– Вилка, может, нам перейти на «ты»? – предложила Фаина. – Все-таки мы сестры. Да, мамы у нас разные, а вот отец один, значит, половина крови общая.

– Ладно, – кивнула я. – Ключи для вас... то есть для тебя... висят на крючке у вешалки, у них брелок в виде медведя.

– Спасибо вам... тебе огромное! – зачастила Фаина. – Пожалуйста, не сочти меня за нахалку, но ведь мне реально жить негде. Ты права, надо радоваться тому, что имеешь, а не желать того, чего никогда не получишь. Но иногда уж очень хочется ощутить себя богатой, беззаботной девушкой, у которой все прекрасно, полный кошелек денег... А мне всегда не везло. Устроилась как-то санитаркой в коммерческую клинику. И что? Если я опаздывала на работу, старшая по смене меня ругала на чем свет стоит и вообще мне никогда ничего не прощала, а другим даже за прогулы по пьяни замечаний не делала. Ума не приложу, чем я ей не нравилась? Ну и выгнала она меня скоро. Ох, не дает Господь счастья, прямо издевается надо мной: поманит пряником, даст немного откусить – и отнимает. Уж как я радовалась, когда в богатый дом полемойкой взяли! Условия роскошные – работа всего два раза в неделю, денег платят много. Так хозяйка ни с того ни с сего возненавидела меня, придиралась по всякому поводу и через два месяца вытурила. Вот за что мне это, а? Вилка, не убирай посуду, я помою. Раз бесплатно здесь живу, буду тебе уборщицей, прачкой и всем остальным.

Я хотела возразить, мол, сама прекрасно справляюсь, не надо Фае хвататься за управление моим домашним хозяйством. И помощница у меня есть. Наташа приходит два раза в неделю, пылесосит полы, стирает, гладит. Но не успела я и слова сказать – как Фаина, громко всхлипнув, убежала.

Встав из-за стола, я начала складывать в посудомоечную машину тарелки с кружками. Откуда у меня взялась сестра? Сейчас объясню.

Некоторое время назад имя моего отца Ленинида Тараканова стало постоянно упоминаться в СМИ всех мастей. Для тех, кто плохо меня знает, скажу, что

папаша человек с подмоченной репутацией, ведь большую часть своей жизни он провел на разных зонах нашей необъятной родины. География мест, где отбывал сроки папенька, разнообразна, Ленинида носило от Мордовии до Подмосковья. Справедливости ради отмечу, что папенька особо тяжких преступлений не совершал. Слава богу, он никого не убил, не занимался разбоем, не доводил людей до самоубийств, строя финансовые пирамиды. Нет, Ленинид был мелким и весьма неудачливым вором. Промышлял он, как правило, в транспорте: засовывал лапу в чужую сумку или чей-то карман и... мгновенно оказывался пойман.

Я считаю, что государство не должно тратить деньги на пребывание за решеткой личностей, подобных ему. Годами содержать глупого, никчемного мужика на полном обеспечении, то есть кормить-поить его, охранять, да еще пытаться научить хоть какому-то ремеслу, недешево стоит. Лучше взять розги и, как было прежде заведено на Руси, прилюдно высечь татя[1 - Т а т ь – вор. Устаревшее слово. (Здесь и далее примечания автора.)], а потом отправить домой, предупредив, что в следующий раз за попытку присвоить себе чужие честно заработанные копейки он получит кнутом похлеще. Но нынче применять телесные наказания запрещено, поэтому Ленинид регулярно отправлялся по хорошо знакомому маршруту: сизо – суд – колония. Выйдя на свободу, он буквально на следующий день попадался за попытку кражи, и музыка судебно-исправительной системы играла заново.

В круговороте арестов господин Тараканов начисто забыл о том, что у него есть дочь, которую мелкий щипач[2 - Щ и п а ч – вор-карманник.] назвал красиво – Виола. Я воспитывалась теткой Раисой, считала своих родителей покойными, о том, что Рая мне вовсе не родня по крови, узнала довольно поздно. А когда я стала совсем взрослой, на меня вдруг свалилось еще одно шокирующее известие: мой отец жив и он закоренелый уголовник. Ну да я уже живописала свое детство, а также явление Ленинида в мою квартиру[3 - Биография Виолы рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки»].

Разбойничья жизнь папеньки давно в прошлом, теперь он известный актер, правда, с ограниченным амплуа – господин Тараканов замечательно исполняет роли преступников всех мастей. Каким образом Ленинид попал на экран? Совершенно случайно. По детективам Арины Виоловой (под этим псевдонимом я издаю романы) начали снимать сериал, мой родитель, на тот момент как раз вышедший на свободу и свалившийся мне на голову, маялся от тоски и безделья, поэтому он поехал со мной на съемочную площадку. Там его возмутило то, как

фальшиво один из артистов изображает вора. Ленинид, выражая свое негодование, стал показывать лицедею, как нужно вести себя преступнику, и... получил роль. Так и покатилося. Сейчас у Ленинида вполне приличная фильмография. Справедливости ради замечу, что папаша оказался человеком талантливым и быстро обучаемым, а непростая биография сделала господина Тараканова любимцем папарацци и жалостливых тетушек, которые обожают кино.

Несколько лет имя Ленинида безостановочно упоминалось во многих изданиях, потом пик его актерской популярности прошел. А какому артисту нравится оставаться в тени? К тому же тех, чьи фото не мелькают в газетах-журналах, реже приглашают на съемки. У прессы появились другие герои, тем более что о папеньке уже все было известно, он стал не так уж интересен публике. И вдруг!

Поздней осенью прошлого года журналисты снова затрубили о господине Тараканове. На сей раз его фамилия шла во главе шеренги других имен. Чьих? Ну, например, среди прочих там упоминалась Антонина Вольпина. Кто она такая и какое отношение имеет к моему отцу? Сейчас расскажу.

Женщина, которую все называли бабой Тосей, являлась целительницей, успешно лечила всякие болезни. Вольпина не была ни экстрасенсом, ни колдуньей, ни ведьмой. Она имела диплом мединститута и не один год работала врачом-терапевтом, потом переквалифицировалась в гомеопата, стала вести прием на дому. Почему к женщине средних лет приклеилось прозвище «баба Тося»? Ответа на сей вопрос у меня нет. Скорее всего это произошло из-за того, что она носила длинные серого-бурого цвета платья, ходила с платком на голове, а на носу у нее сидели очки в большой оправе. Из-за старушечьей одежды, полного отсутствия косметики и из-за окуляров Антонина выглядела лет на семьдесят.

О личной жизни целительницы никто ничего не знал. Прием она вела в крохотной однокомнатной квартирке на первом этаже дома в непрестижном районе. Жильцы блочного здания сначала жаловались на поток людей, который идет через двор, на то, что посторонние сидят на лавочках, стоят у подъезда, мешают местным жителям гулять с детьми, пачкают парадное. Но представители правоохранительных органов на людское ворчание внимания не обращали, игнорировали заявления граждан. А спустя некоторое время баба Тося стала принимать соседей без очереди, и поток жалобщиков иссяк.

Антонина была сурова. С больными она общалась пять дней в неделю, строго с часу дня до шести вечера. Если в пять минут седьмого ей звонили в дверь и кричали: «Баба Тося, умираю, мне отрезало руки-ноги-голову трамваем, помогите!» – из-за закрытой двери не доносилось ответа. Человек в отчаянии вопил: «Не переживу ночь!» – но и тогда Антонина не проявляла жалости.

Вход в ее однушку стерегла на первый взгляд хлипкая дверь. Казалось, сломать ее, вбежать внутрь и заставить вредную тетку оказать помощь недужному – плевое дело. Но на двери красовалась аккуратно сделанная несмываемой краской надпись: «Кто войдет сюда без спроса, тому тридцать лет и три года жить в бедности, болезнях и несчастии. Не посягай на чужой покой, и будешь здоров». Можно сколько угодно подсмеиваться над людьми, которые верят в приметы, заговоры и магию с колдовством, но это предупреждение срабатывало лучше любой охраны. Баба Тося хотела спокойно отдыхать, она не собиралась отдавать страждущим всю себя.

Однако и с теми, кто являлся перед ее светлые очи по записи, целительница была строга. Например, грозно отчитывала больного:

– Дурак! Зачем куришь? Газеты не читаешь? Телек не смотришь? В тайге медведем живешь? Не слышал никогда, что курение – смерть? Вот и получай теперь последствия своей глупости. Хотя ладно, помогу... Но ты должен слушаться меня беспрекословно. Если скажу, что надо принимать настой в три утра, то встанешь по будильнику и выпьешь. Пропустишь один раз – больше не заявляйся. Дураки и лентяи должны вымереть.

Перед началом лечения Антонина составляла договор, который клиент должен был подписать. Документ выглядел просто, текст состоял из одного абзаца, смысл которого был предельно ясен: если пациент не соблюдает все указания гомеопата, то тот не несет никакой ответственности за результат. Юридической силы бумага не имела, но все же служила для Вольпиной подобием охраной грамоты. VIP-клиентов у нее не было, на дом она ни к кому не ездила, ни у кого не спрашивала, чем пациент занимается, и все, прибегавшие к ее услугам, стояли в общей очереди.

Денег Антонина за свои услуги не брала. Однако в ее кабинете на подоконнике висела здоровенная закрытая кружка с дырой в крышке, наподобие тех, что стоят в церквях, на ней висело объявление: «Для бедных». Конечно, пациенты спрашивали у целительницы:

– Сколько с меня за прием?

Тогда баба Тося сухо отвечала:

– Мне – ничего, я помогаю бесплатно. Если хотите, оставьте копеечку тем, кому есть нечего.

И люди запихивали в прорезь купюры кто сколько мог. Вот цену за лекарства целительница всегда называла четко, причем сумма подчас оказывалась немаленькой. Но все понимали: настойки ведь надо сделать, кое-какие ингредиенты для них придется купить. И ни один человек не мог заподозрить бабу Тосю в том, что пожертвования для нищих она забирает себе. Очутившись в крохотной квартирке, где бедность кричала из каждого угла, глядя на врачевательницу, одетую в старое заношенное платье, носившую на голове еле живой от ветхости платок, посетитель понимал: денег в этом доме не водится, хозяйка, как истинные знахари, живет, помогая другим, довольствуясь куском хлеба и стаканом воды.

Сколько лет баба Тося лечила людей, сказать трудно, а потом она вдруг исчезла.

Глава 2

Первыми забеспокоились люди, которые были записаны на прием. Когда утром баба Тося не открыла дверь своей квартиры, пациенты начали роптать. В районе полудня группа из восьми человек, так и не увидевших целительницу, направилась в полицию. Но там особого волнения не проявили, сказали:

– Гражданка Вольпина могла куда-то уехать.

Вскрыть квартиру представители закона отказались, мотивируя свое нежелание просто: никто из заявителей не является родственником ее хозяйки. Больные поахали-поохали, но не разошлись, продолжали толкаться во дворе. Спустя пару часов к ним вышла женщина.

– Меня зовут Фаина, – представилась она, – я помощница бабы Тоси, убираю ее квартиру, а заодно служу ей секретарем, веду запись пациентов в тетрадке, где указаны их имена-фамилии и телефоны. Это я вас обзваниваю и спрашиваю, придете ли вовремя на прием. Чего вы так дергаетесь? Денег не платили, терять вам нечего, езжайте домой. Когда баба Тося вернется, я сразу всех оповещу непременно.

– Нам за целительницу тревожно, – отвечал народ, – не случилось ли беды?

– Не переживайте, – успокоила клиентов Фаина, – знахарка непременно вернется. Баба Тося отправилась чиститься энергетически. Вы же все вон сколько в нее негатива слили! Пришла ей пора от него избавиться, иначе не сможет дальше людей лечить.

– Куда она уехала? – спрашивали особо любопытные.

Фаина развела руками.

– Мне не сказала, просто предупредила: очищусь и вернусь.

Делать нечего, народ разошелся по домам.

Похоже, у госпожи Вольпиной не было ни друзей, ни родни. Никто, кроме пациентов, ее не искал, полицию не беспокоил, но за жилье, где знахарка вела прием, исправно поступала квартплата, ДЭЗ не внес знахарку в список неплательщиков. Со временем больные к ее дому ездить перестали, во дворе установилась тишина.

Спустя года полтора после исчезновения бабы Тоси газета «Сплетник» напечатала интервью с Фаиной. Почему бульварный листок, живущий за счет вранья и грязи, выливаемой на знаменитостей всех мастей, неожиданно решил побеседовать с никому не известной теткой? Стояло лето, новых горячих новостей не было, на море информации возник штиль, и тут кто-то из сотрудников подал идею. Он, мол, знает о пропаже известной целительницы, к которой ходила лечиться его соседка. Вроде к бабке бегали и звезды, а та вдруг не пойми куда делась. Может, читателя заинтересует такой сюжет?

Редактор обрадовался возможности заполнить полосу и отправил корреспондента в дом, где жила знахарка. Велел ему поболтать с соседями, порасспрашивать их, кого из актеров-певцов они видели в очереди к бабе Тосе, и живо сострять материал о том, как лечатся селебрити.

Папарацци приехал по адресу Вольпиной. В дверь пропавшей он звонить не собирался. Зачем? Но в тот момент, когда посланец «Сплетника» вошел в подъезд, дверь однушки отворилась, из нее вышла женщина с помойным ведром. Журналист сделал стойку и заговорил с незнакомкой:

– Здесь некоторое время назад жила целительница. Теперь это ваше жилье?

Тетушка любезно предложила репортеру зайти, назвалась Фаиной и поведала такую историю. Баба Тося, мол, жива-здорова, пишет письма из места, куда уехала восстанавливать свои энергетические силы, потраченные за многолетнее лечение людей. Знахарка присылает для тех, кто нуждается в ее помощи, лекарства. Доставляют травы стюардессы, а Фаина, которая является помощницей Вольпиной, ездит в аэропорт, забирает коробки, потом, следуя указаниям бабы Тоси, делит их содержимое на порции, которые и раздает больным. Среди тех, кто получает мешочки, много знаменитостей, но помощница знахарки никогда не назовет их имена. Пусть Фаина и не доктор, все равно она свято блюдет врачебную тайну. Ни о ком из пациентов без их согласия она ни слова не вымолвит. Естественно, денег Фая не берет, но если кто хочет помочь бедным, то вот тут стоит большая кружка, куда можно опустить малую лепту. Сколько? Сумма на усмотрение милосердного человека – рубль, десять, сто рублей. Всякое даяние благо, нищие обрадуются, а доброта дающего будет вознаграждена небесными силами. Тем, кому совсем плохо, Фаина разрешает войти в квартиру и посидеть в кресле бабы Тоси. Оно обладает волшебными свойствами, через пару минут больной ощущает прилив сил. Еще есть фото Вольпиной. Нет-нет, никаких заряженных снимков на продажу – фото раздаются бесплатно. Фанаты разных знаменитостей вешают на стены у себя дома постеры с изображениями своих кумиров, а многим больным хочется видеть лик целительницы. Разве это плохо?

– Как же Антонина общается с пациентами? – спросил журналист.

– Она с ними не разговаривает, – разъяснила Фаина. – Людям вопросы задаю я и передаю их ответы целительнице. Еще делаю фото каждого человека, тоже отсылаю ей. А от бабы Тоси потом приходят травы, к ним приложен список: кому

какую и как пить.

– Как же вы с ней связываетесь? – недоумевал сотрудник «Сплетника».

Фаина улыбнулась.

– Думаете, только вы компьютером владеете? Мне баба Тося ноутбук оставила, там и почта есть, и скайп.

– Вау! – подпрыгнул корреспондент. – А мне с ней поговорить можно?

Возникло молчание, потом Фаина любезно сказала:

– Приезжайте завтра к полудню. Если баба Тося согласится, соединю вас.

На следующий день ровно в указанный час папарацци позвонил в квартиру. Фаина впустила его со словами:

– Хорошо, что не опоздали. Мы как раз сейчас с доктором беседуем, идите в комнату.

Молодой человек бросился к ноутбуку и действительно увидел на экране Вольпину. Знахарка была, как всегда, одета в темное, в платке, в очках.

– Жива я и здорова, – сказала она, – людям издалека помогаю. Вот вижу, устал ты... Ничего, я объяснила Фаине, что надо делать, чтобы у тебя силы появились.

И сеанс прервался.

Корреспондент пришел в восторг от того, что узнал, – у него явно получится отличная статья. А Фаина посадила парня на несколько минут в кресло целительницы, подарила ее фото, дала хлебнуть настоя. Уходя, репортер, человек вообще-то жадный, неожиданно для самого себя засунул в кружку тысячу рублей. Приехав в редакцию, он сказал коллегам:

– Можете сколько угодно ржать, но из сиденья кресла прямо жар пер.

– Так наверняка кресло с электроподогревом, – захихикала одна женщина. – Ты, наивный лютик, не в курсе, что такие в дорогих автомобилях устанавливают, чтобы попа не мерзла?

– Нет, – возразил репортер, – я проверил – никаких шнуров. И кресло дряхлое, еще при коммунистах сколочено, тогда о подогреве не слышали. И еще. У меня вчера, да и сегодня с утра голова раскалывалась, а когда я на месте бабкином посидел, настоя выпил...

– Вау, заряженная вода! – заржали коллеги. – Ты крем для бритья с собой брал? Мыло? Зубную пасту?

– Мигрень-то правда прошла! – пытался спорить репортер.

Но ехидные борзописцы подняли его на смех. А потом пару дней ставили парню на стол стакан с водой, к которому была прикреплена бумажка с надписью «Заряжено от всех напастей, кроме отсутствия денег».

Журналист написал статью, в которой рассказал о своей встрече с Фаиной и о том, как коллеги отреагировали на его рассказ об избавлении от мигрени. После того как материал увидел свет, другие таблоиды, тоже страдавшие в летнее время от нехватки новостей, отправили к Фаине своих сотрудников. Помощница целительницы побеседовала со всеми. Целый месяц имя Антонины Вольпиной, а заодно и Фаи, мелькало как в бумажных изданиях, так и в Интернете. Потом настал сентябрь. Светская жизнь забила ключом, и о знахарке забыли. А недавно ее имя стали упоминать в паре с именем Ленинида. Почему? Объясняю.

В середине октября прошлого года как-то утром я, решив попить кофе, включила телевизор. Попала на какой-то кабельный канал, да так и осталась сидеть с поднятой чашкой, не донеся ее до рта.

Шли новости. Я увидела репортера и папеньку, на плече которого рыдала женщина непонятного возраста.

– Конечно, я забираю дочь к себе, – вещал Ленинид. – Да, я не знал о ее существовании. Но вот паспорт. Что вы в нем видите?

На экране на секунду появился документ, я успела разглядеть фамилию «Тараканова» и пришла в еще большее недоумение.

– Вы сердитесь на бабу Тосю, которая выкинула вас на улицу? – спросил репортер у рыдающей тетки.

– Нет, нет, – вытирая слезы, ответила та, – я сама приняла решение уйти. Однушка принадлежит Антонине, я просто стерегла квартиру. Бабуля меня заранее предупредила о возвращении.

– Хватит плакать, – остановил ее папенька. И, глядя прямо в объектив, воскликнул: – Слава богу, теперь все мои дети вместе! Вы хорошо знаете писательницу Арину Виолову, по паспорту Виолу Тараканову. Она моя старшая дочь, о которой я заботился всю ее жизнь. Еще в роддоме взял малышку на руки, потом пеленал, мыл, подгузники менял, в школу за руку водил, уроки с ней делал. А сейчас вы видите младшую мою дочурку.

Я не выдержала, выключила телевизор и позвонила Лениниду с вопросом:

– У меня, оказывается, есть сестрица? Сколько ей лет?

– Она просила никому не говорить, – живо ответил папаша. – Женщина, понимаешь ли, переживает из-за возраста... Ну да ладно, тебе можно. Фаина чуть младше тебя. На годок всего.

– Правда? – изумилась я. – А выглядит намного старше.

– Ей не повезло, как тебе, – зачастил Ленинид, – с детства в нищете жила, никому не нужная. Образования не получила, полы в людях мыла, за кусок хлеба сутками работала. Квартиры своей детка моя несчастная не имела. Один раз лишь ей повезло – Фаю пригрела целительница баба Тося...

Я молча выслушала рассказ Ленинида о Вольпиной, который завершился пассажем:

– Недавно старуха вернулась в Москву, вновь ведет прием больных, Фая была вынуждена покинуть ее дом и очутилась на улице. От полного отчаяния

бедняжка позвонила мне, своему отцу...

– Значит, появление Фаины не очередная выдумка безумного пиар-агентства? – перебила его я. – А то, помнится, пару месяцев назад появилось сообщение, что в актера Тараканова стрелял на МКАДе неизвестный мотоциклист. Все тогда обхохотались. Даже журналисты поняли, что это наиглупейшая рекламная акция.

– Как тебе не стыдно! – обиделся папенька. – Я был на волосок от гибели! Слух о пиаре распустили завистники, неудачливые актеришки, которых никто не снимает в сериалах. Вот уж не думал, что родная дочь поверит злым языкам. Я уже сменил рекламщика, теперь со мной работает лучший в России профи. Фаину родила моя любимая женщина, но судьба распорядилась так, что нам не удалось быть вместе. Глупая баба, я имею в виду мамашу моей младшей дочери, всю жизнь хранила тайну, имя отца назвала Фаине лишь перед смертью. Но она дала девочке мою фамилию. И отчество у нее Ленинидовна. Фая очень нежная, ранимая, она боялась ко мне прийти, думала, я ее выгоню. Бедняжка мыла полы! Представляешь этот ужас?

– Очень даже хорошо знаю, каково это – бегать ночью с веником и тряпкой по стоматологической поликлинике, – вздохнула я. – Может, ты и менял мне подгузники, извини, не помню, но то, что, повзрослев, отца я не видела и работала поденщицей, забыть не получается. И ты никогда не говорил мне, что жил с какой-то женщиной, а она родила дочь.

– Сам не знал про ребенка, – начал оправдываться папаша. – А насчет бабы... Если каждую в памяти держать, с ума сойдешь.

– Только что ты вещал про любимую женщину, – уколола я его.

– Конечно, – согласился Ленинид, – я никогда ни с кем не спал за деньги. Только по любви.

– Что-то у тебя концы с концами не сходятся, – заметила я. – Мы с Раисой в свое время поговорили предельно откровенно, и она сказала, что ты исчез из моей жизни, оставив меня в пеленках, когда тебя осудили за очередное воровство. Но сейчас я слышу, что Фаина появилась на свет через двенадцать месяцев после меня. Как это могло получиться? Ведь ты сидел на зоне!

– Ну, понимаешь... – забубнил папаша, – твоя мать... ну... типа сумасшедшая... убежала от нас с тобой. А меня с младенцем со съемной квартиры турнули, жить мне с тобой было негде. Райка помогла, к себе пустила, спасибо ей. Она хорошая баба была, но зануда редкостная. Прямо циркулярная пила: «Не пей, не кури, дай денег на ребенка, иди работай...» Задолбала вконец! И жилье у нее убогое. И готовить она не умела. Ну я и смылся. Позвонил вечером, поздно совсем, сказал: «Раиса, меня загребли в автобусе, мне срок светит». А она как заорет: «Чтоб тебя навечно засадили! Забуди мой телефон и дорогу к моему дому!» Я попросил: «Райка, присмотри за девочкой. Выйду, отблагодарю тебя, кольцо золотое куплю». А она матом в ответ. Ну я и остался у другой. Мы с ней уже полгода как знакомы были. Хорошая баба, да недолго вместе прожили... Эх-ма! Меня на самом деле вскоре загребли. Я и не знал, что она беременна. Владимирский централ... этап из Твери... Если ты сомневаешься, что Фая родная дочь мне, а тебе сестра единокровная, то есть анализ ДНК.

– Вы ходили в лабораторию? – уточнила я.

– Конечно, – засмеялся папенька. – Знаешь, сколько у меня бывших баб было и нынешних есть? Не идиот же я! Эдак каждая дура младенца припрет или подброшенного бэбика приведет. А тут у нас стопроцентное совпадение по генетике.

– Поверю тебе и Фаине лишь после того, как увижу фирменный бланк с результатом, – отрезала я.

Глава 3

Через неделю мне позвонила Маргарита Сазонова, начальница пиар-отдела издательства «Элефант», и сладко запела:

– Золотце, тебя приглашают посидеть в качестве эксперта в эфире самого популярного российского шоу «Инкогнито с Бродвея».

– Не хочу, – заныла я, – времени нет.

– Надо, моя радость, надо! – начала увещевать меня Рита. – Понимаю, не хочется торговать мордой лица, но у тебя на днях вышла новая книга, ее надо рекламировать. Редактор поклялась мне, что ты можешь сказать несколько слов о своем свежем детективе. Ну, ангел наш, ради меня, поулыбайся у них на диване.

– «Инкогнито с Бродвея», – поморщилась я, – ну и названьице!

– Там всегда появляется таинственный гость, о нем никто не знает, – пояснила Сазонова, – вроде родственника, которого считали давно умершим. – Ерунда, в общем, сплошное бла-бла. Тебя там встретят достойно, по-звездному.

Я согласилась и, придя на запись, действительно была окружена вниманием. Меня, подхватив под белы ручки, отвели в индивидуальную гримерку. Милая девушка в футболке с названием шоу подала мне кофе, бутерброды и принялась кланяться и улыбаться. Я не знала, куда деться от смущения, и была несказанно рада, когда меня наконец доставили в закулисы студии.

– Сейчас ведущая вас объявит, и вперед, – проинструктировала редактор.

– Всенародно любимая писательница Арина Виолова! – закричал звонкий женский голос.

Я, привычно навесив на лицо улыбку, сделала несколько шагов по узкому темному коридорчику, очутилась в ярко освещенном пространстве и увидела хозяйку программы – брюнетку в очень коротком обтягивающем платье.

– Дорогая Арина, садитесь, пожалуйста, – зачирикала она. – Надеюсь, вы узнаете наших главных героев?

Я обернулась и на секунду лишилась дара речи. На зеленом диване сидели Ленинид и Фаина. В моей голове вздыбилось цунами мыслей. Вилка, ты идиотка! Прекрасно ведь знала, что канал, который тебя пригласил, делает рейтинг на скандальных шоу. И личная гримерка вкупе с отменным кофе, вкусными бутербродами и усердно прислуживающей девушкой должны были меня насторожить. Я же не первый раз попала на съемку, давно знаю, что отдельную гримерку выделяют только ведущим и тем героям, появление которых на программе хотят скрыть от остальных участников. На латте с сэндвичами

жадное теленачалство просто так денег не выделит, апофеоз угощения на телевидении – дешевые сушки из супермаркета низшей ценовой категории.

Пару секунд мы с папашей молча смотрели друг на друга. Потом я приняла решение: никогда не позволю снять программу о том, как я выдираю волосы из головы отца-потаскуна, не доставлю подлым телевизионщикам такой радости. А уж потом, без камер, я с папенькой разберусь.

– Фая! – заулыбалась я. – Давай обнимемся! Рада встрече!

Ленинид вскочил.

– Доченьки, я вас люблю обеих!

Мы все стали целоваться и излучать позитив. Затем принесли бланк ДНК-анализа, который научно подтвердил наше родство. Зрительницы в зале шмыгали носами и вытирали слезы. Но ведь шеф-редактор хотел скандала, потасовки, бурного выяснения отношений. Сахарный сироп, который заполнил студию, не устраивал и режиссера. Поэтому ведущая, получив через «ухо» указание задать писательнице провокационный вопрос, протянула, сильно акая:

– Скажите, Арина, если Ленинид устанет жить с младшей дочерью, вы возьмете сестру к себе? Или пошлете ее на фиг?

– С удовольствием приглашу Фаю, мы же родная кровь, – заверила я, больше всего мечтая в этот момент утереть нос организаторам съемок, растоптать их малину.

После окончания шоу «Инкогнито с Бродвея» мы втроем вышли на улицу. У меня внутри все клокотало от гнева. И я уже открыла было рот, чтобы сказать папеньке в лицо все, что о нем думаю, но наткнулась взглядом на младшую сестру, которая стояла, сгорбившись и опустив голову. Злость моментально испарилась, на ее место пришла жалость, я подумала: Фая всего на год младше меня, а выглядит пенсионеркой, она плохо одета, и похоже, ей очень стыдно за свое участие в шоу. Знаю я папеньку, небось сказал младшей дочке: «Станешь жить у меня, но за это нужно участвовать во всех программах, общаться с журналистами. Это будет твоей платой за мое гостеприимство».

Ну да, у отца ведь сейчас застой в делах. Сам-то он всем говорит, что занят по горло, но у меня другие сведения. Актера Тараканова вот уже почти год не зовут на съемки, он артист одного амплуа, а на роль воров-бандитов сейчас в кино излишек претендентов. И Ленинид не самый из них талантливый. Совершенно точно папаша решил использовать младшую дочь для собственного пиара. Давно известно: чем чаще лицедей мелькает на ТВ-экране, тем охотнее ему предлагают работу.

Я погладила Фаину по плечу.

– Поехали сразу ко мне. Думаю, вам у меня будет лучше.

– Нет, нет, – прошептала новоявленная родственница, – не могу, папа обидится.

Я кивнула. Все понятно, Ленинид что-то пообещал Фаине, и она теперь будет это зарабатывать. Продолжать беседу мне показалось бессмысленным. Я сказала, что опаздываю в издательство, и, попрощавшись, уехала.

А затем началось! Оба мои телефона, и мобильный и домашний, раскались от звонков журналистов. «Известный актер Ленинид, отец писательницы Виоловой» – к этому сочетанию люди привыкли, слова о том, что звезда сериалов не один год провел за решеткой, всем давно надоели. И вдруг – новость: у Тараканова есть еще одна дочь! Корреспонденты как с цепи сорвались.

Я отключила все трубки и затаилась. Ко мне приехала Маргарита Сазонова и начала меня увещевать:

– Такой пиар – и совершенно бесплатно. Другие за подобные сливочки не фиговые деньги агентствам платят, а тебе даром ананас в лапки падает. Прошу, солнышко, сбегай еще на парочку шоу.

Но я отказалась участвовать в этих цирковых представлениях.

Ленинид с Фаиной придерживались иного мнения, они исправно посещали все программы, их голоса звучали буквально из каждого утюга. Благодаря появлению новой дочурки папенька опять укоренился на вершине рейтинга артистов сериалов, получил сразу несколько предложений, одна из ролей была

даже главной и обещала очень жирный доход. Какие дивиденды заслужила моя сестра? Понятия не имею. Может, она мечтала быть в центре внимания и таким образом удовлетворяла свое тщеславие? Если так, то это ей удалось сполна.

Отличную рекламу заработала и гомеопат Антонина Вольпина, которая, вернувшись после долгого отсутствия, снова занялась целительством. Во время каждой съемки Фаина непременно рассказывала, какая гениальная травница баба Тося, подчеркивала, что та не выгоняла из квартиры бездомную помощницу, она ушла сама. К целительнице зазмеилась очередь. Если поискать об Антонине сведения в Интернете, то выпадет целый букет восхищенных отзывов от пациентов, составленных в последнее время.

Но каким бы интересным человек ни казался прессе и читателям, рано или поздно он надоедает всем. Думаете, почему некоторые звезды пускаются во все тяжкие: дерутся в ресторанах, выбрасывают в сеть якобы украденные у них весьма интимные снимки, выгоняют из дома родителей, а потом прилюдно мирятся с ними? Все это они затевают ради появления своей фамилии в газетах и журналах. Пожар с искрами во все стороны начинается, вернее, организуется в тот момент, когда творческий человек находится в кризисе, не выпускает новых книг, не поет только что написанных песен, не получает ролей. Ведь ему страшно оказаться в неизвестности, этак о нем все забудут, придется умереть в нищете. Чтобы этого не случилось, драка в кафе ему в помощь.

Через пару месяцев о Лениниде и Фаине перестали упоминать, на ежедневных шоу замелькали новые герои. И тут случился очередной казус.

В тот день я, старательно борясь с ленью, пыталась писать новую книгу. Звонок в дверь в районе одиннадцати вечера меня не удивил – пару часов назад мой близкий друг Степан обещал заехать на чашечку чая. Я решила, что за порогом именно Дмитриев, поэтому, не глянув на домофон, открыла дверь.

С громким плачем и с возгласом: «Я чужой нитки никогда не возьму!» мне на грудь упала Фаина.

Рыдая и трясясь в истерике, сестра сообщила, что Ленинид обвинил ее в воровстве. Вроде как у папеньки пропала коллекция баснословно дорогих табакерок, которые он много лет собирал, вот он и выгнал Фаю.

Глава 4

Примерно через час прибыл Степан. Он почесал в затылке, затем набрал номер Ленинида и сурово сказал:

– Послушайте вы, многодетный папаша! Или вы сейчас же прикатываете к Вилке, или я завтра всем рассказываю об очередном постановочном скандале, который замутил господин Тараканов.

Я, все еще утешавшая младшую сестру, замерла с раскрытым ртом, а Фаина жалобно спросила:

– Как вы догадались?

– Меня труднее надуть, чем Вилку, – отрезал Дмитриев. И тут же признался: – Хотя было некоторое сомнение, вдруг я ошибаюсь. Но Ленинид, услышав мою угрозу, мигом заблеял: «Уже бегу, тороплюсь, спешу». А если б он послал меня по далекому адресу, тогда бы я тоже начал тебя, Фаина, утешать.

Папенька явился через двадцать минут, словно летел на реактивной метле. Степан мигом прижал его к стенке, и тот признался, что история с краденными табакерками придумана ради пиара.

– Да ладно вам, ребята, – бубнил Ленинид, – как будто Виола никогда ничем таким не занималась. Но если дочь не желает помочь родному отцу, который памперсы ей менял, обнимал ее, целовал, из бутылочки кормил, на плечах в первый класс отнес и до сих пор души в ней не чает, бриллианты ей покупает, то конец истории. Рассказать журналюгам про воровство Файки мой пиар-агент должен был завтра утром. Пока только Вилка обо всем знает.

– Ну-ка, тормози немедленно поезд! – стукнул кулаком по столу Степан.

Рука Дмитриева случайно попала на аппарат городского телефона, тот развалился на куски. Папенька посерел и схватился за мобильный. А я наконец-то обрела дар речи:

– Какие памперсы? На момент моего рождения в России и не мечтали о них! Фаина, я понимаю, зачем эта акция понадобилась папеньке. Он решил, что, надев на себя маску прекрасного отца, пострадавшего от рук неблагодарной дочери-воровки, снова станет героем скандальных шоу и заберется на вершину популярности. Все актеры впадают в истерику, как только понимают, что градус интереса к ним понижается. Но вы-то чего ради согласились участвовать в представлении под названием «кража коллекции табакерок»? Неужели не понимаете, что к вам на всю жизнь приклеилось бы клеймо «воровка»? И еще вопрос – насчет ситуации со знахаркой. Вы на самом деле бросились к отцу, когда целительница вернулась? Или это еще одна «охотничья история»?

– Нет, нет, нет, – начала всхлипывать младшая сестра. – Все было так, как я говорила. Я бездомная, поэтому поселилась у бабы Тоси в квартире, когда она уехала. У меня сын инвалид, его лечить надо было. В России никто не брался, я решила везти его в Германию. А кто мне денег даст? Вот я и лишилась жилплощади – продала свою норку, чтобы малыша спасти.

– Ладно, я пошел. Все ок, никаких разговоров о табакерках, – заявил папенька, – пресса ничего не узнает.

– Что с вашим ребенком? – спросил Степан, когда Ленинид унесся прочь.

– У вас есть сын? – в свою очередь изумилась я.

– Да. У Антона расщепление позвоночника, – грустно ответила Фая, – самая тяжелая форма. Хорошо хоть, он после операции в коляску сел, а не остался лежать пластом. А еще он аутист – с людьми вообще не общается, даже «здравствуйте» не скажет, даже со мной не контактен. Живет в себе, но, говорят, очень умный. Единственный человек, с кем Антон беседует и даже дружит, Валерий Иванович Перцов, психолог, который занимается аутистами. Сын всю программу средней школы с ним прошел, в университет поступил, сейчас на компьютере работает. Чем он занимается, я не знаю. Всякий раз, когда к нему прихожу, он что-то печатает.

– Сколько лет Антону? – поинтересовалась я.

– Четырнадцать, – вздохнула Фаина, – но он крупный, выглядит на все восемнадцать.

– Подросток уже закончил школу и в вуз попал? – удивилась я.

– Говорят, он гений, – повторила Фаина. – Господь практически отнял у него тело, лишил возможности с людьми общаться, но взамен дал необычайно развитый мозг. Когда мы из Германии вернулись, я сняла самую дешевую квартирку на первом этаже, в «блочке». В соседях оказалась баба Тося, но тогда я не знала, кто она. Потом целительница предложила у нее помощницей стать. Я, конечно, согласилась, нам с Антошей деньги во как нужны были! – Фаина резанула себя ребром ладони по горлу. – Я у нее очередь вела – всех записывала, потом обзванивала, спрашивала, придут ли. Еще квартиру мыла, стирала...

– Ваш ребенок не может долго оставаться один, а вы постоянно ходили с Ленинидом на разные мероприятия. Да и жили последнее время у отца. Антон-то куда подевался? – недоумевала я.

– Перцов основал благотворительный центр для таких, как мой сын, – объяснила Фаина. – Ребята там живут, у каждого своя комната, есть столовая, библиотека, сад большой. На десять человек это заведение. И оно бесплатное. Антоша живет там. Баба Тося, перед тем как из Москвы уехать, велела мне по-прежнему на нее работать. Я из экономии однушку снимать перестала, переехала к Вольпиной. Но теперь она вернулась, и мне пришлось уйти. А денег нет совсем. Я пару дней на вокзале промучилась, потом к Лениниду Ивановичу пошла. Мама мне об отце незадолго до своей смерти рассказала: «Доченька, совершила я в молодости глупость, связалась не с тем человеком. Запомни, он вор, уголовник, половина крови в тебе от преступника. Если появится желание взять чужое, сразу говори себе: «Это во мне папаша проснулся. Пошел вон, бес!» Украдешь, не дай бог, нитку, тебя точно посадят, жизнь под откос пойдет. Поклянись мне: «Никогда не возьму чужого». Постарайся с отцом не общаться. Только в случае крайней нужды к супостату обратись». Я все делала, как мамочка просила. А когда жизнь оскалилась, пришлось на поклон к Лениниду идти. Я подумала, что отец изменился, он теперь известный артист, больше не уголовник.

Фаина всхлипнула.

– Честно признаюсь, надеялась, он мне квартиру купит. Или снимет.

Она опустила голову, мне стало ее очень жаль.

– На это вы зря рассчитывали. Ленинид предложил вам устроить представление? Ходить вместе по телепрограммам и рассказывать семейную историю?

Фаина сгорбилась.

– Он оказался совсем не таким, как в сериалах. Просто так денег не дал, сказал: «Любую копеечку отработать надо». И рассказал, что они с пиар-агентом придумали.

– Наивно полагать, что лицедей, изображающий в сериале рыцаря, безмерно влюбленного в прекрасную даму, и в реальной жизни полезет по стене дома к окну любимой, держа в зубах букет роз, – не выдержала я.

– Эти цветы запихивать в рот точно не стоит, у них острые колючки, – хмыкнул Дмитриев. – И со стены можно свалиться, потом придется в гипсе ковылять.

– Вы смеетесь, а мне плохо, – прошептала Фаина.

– Простите, пожалуйста, – смутилась я. – Так что придумал наш папенька?

– Он сказал, что пиар поможет мне найти хорошую работу, – заскулила сестра. – Мол, все узнают, чья я дочь, и предложения прямо дождем посыплутся. На телевидение точно возьмут, там все сотрудники без специального образования. А я уже почти звезда – дочь актера и сестра писательницы, меня сразу ведущей поставят, оклад дадут до неба. Тогда я куплю собственную квартиру, оборудую ее для проживания инвалида, и мы с Антошей опять будем вместе. Это моя мечта. Ведь я почему сына в центре поселила? Хотела, чтобы он образование получил. В обычную-то школу его не брали. Знаете, какие дети злые? Сразу начинают над колясочником издеваться. И учителям лень до аутиста знания доводить. Все директора гимназий, узнав, что у меня ребенок с проблемами, одинаково реагировали: спиной к нам поворачивались. А в центре Антошу сразу пригласили. И действительно всему научили. Но у них правило: жить там надо круглосуточно. Я просилась туда на работу кем угодно, готова была полы мыть. Да только Перцов жестко сказал: «Никаких родителей, иначе обучение плохо пойдет». Через два года Антошу из центра турнут, в нем только до шестнадцати держат. И куда нам идти? Мне очень квартира нужна. Хоть какая! Ленинид пообещал, что за съемки заплатят, я накоплю на жилье. Только поэтому я согласилась.

Фаина разрыдалась, я обняла дурочку.

– И много вы заработали? – осведомился Степан.

– Старалась, как раб египетский, – всхлипнула Фаина. – Мы с Ленинидом делили гонорары за съемки и за интервью газетам-журналам пополам. На телике платили десять тысяч за программу, обычные корреспонденты давали кто пять, кто три. Кое-что удалось скопить, но этих денег все равно даже на комнату в самой страшной коммуналке не хватит. На себя я ничего не тратила, только вот не удержалась, купила сумочку. Хотелось-то подороже, как на снимках в красивых журналах, но надо по одежке протягивать ножки.

Я чуть не расплакалась от жалости к наивной Фаине. Хорошо знаю, на какие суммы готовы раскошелиться продюсеры, если их нос учует аромат стартующего вверх рейтинга. Одна известная дама, рассказавшая правду о своем разводе в эфире популярного канала, ушла из студии с миллионом безналогового вознаграждения. И это не самый большой гонорар, ей еще средненько перепало. Газетчики тоже не скупятся. И папенька в курсе расценок. Да он за десять тысяч рублей даже не икнет! Ленинид обманывал Фаю, забирал себе львиную долю гонорара, давал дочке крохи. А та все не могла остановиться, говорила без умолку.

– Сначала все хорошо шло, по две-три съемки в день. Затем нас все реже приглашать стали и, наконец, вообще звать прекратили. Папа на меня сердился, говорил, что я плохо выступаю, сижу, как пень с глазами, не умею зрителей заинтересовать. А вчера сказал: «Мутим новую историю: я собираю табакерки, ты их украла, хотела продать, да я тебя поймал, из дома выпер. Ступай к Вилке, расскажи ей все это, да сделай так, чтобы она тебя у себя оставила. Остальное моя забота. Уж постарайся, не то моей помощи и заботы лишишься. Я много чего еще на будущее придумал, куча планов в голове. Мы потом с тобой прилюдно в шоу мириться будем. А спустя пару месяцев я тебя замуж выдать соберусь. Жених окажется моложе, изменит тебе, и мы снова на экранах засветимся. Короче, слушайся папу, и будет у тебя квартира своя». И что мне делать? Через два года Антоша окажется на улице, а я по чужим углам мыкаюсь. Всего двадцать четыре месяца осталось! Вот я и приехала сегодня сюда, хоть душа и протестовала. Я вынуждена была это сделать.

Из глаз сестры снова полились слезы.

– Ясно, – пробурчал Степан. – Ладно, поступим так: Фаина, поживите пару дней у Вилки, а я пока найду вам работу и приличное жилье. Какое образование имеете?

Моя сестра втянула голову в плечи.

– Девять классов. Потом умерла мама, и мне пришлось идти работать.

– И где служили? – продолжал расспрашивать Дмитриев.

Фаина махнула рукой.

– Везде. Где брали, туда и шла. Без оформления, деньги в конверте давали. Сидела на ресепшен в гостинице, торговала мебелью, игрушками, а потом секретарем у бабы Тоси стала.

– Отлично, – похвалил ее Степан. – Понятно, в какой области вам работу надо искать.

Разговор этот состоялся вчера, а сейчас Фаина, опять прибежав на кухню и не зная, как мне услужить, принялась предлагает мыть квартиру.

– Все отчищу, отскребу! – с жаром восклицала сестра. – Ты в курсе, что в доме муравьи есть? Они такие вредные! Я один раз с хлебом их домой притащила. Взяла в булочной батон подешевле, а тот оказался с насекомыми. Пару лет потом от них избавлялась, но все же выгнала. Спасибо, баба Тося заговор подсказала.

– От муравьев? Заговор? – хихикнула я. – Они его слушают и, сев на велосипеды, уезжают?

– Слова у меня записаны, – не оценила шутку Фая, – могу почитать сорок суток подряд, и насекомые испарятся.

Я отступила к двери. Очень надеюсь, что Степа быстро найдет подходящую квартиру для моей неожиданно появившейся сестрицы, она не поселится тут

надолго. Что же касается заговора от муравьев... Я лучше куплю электронное приспособление, о котором прочитала в Интернете. С его помощью незваные гости раз и навсегда покинут мою квартиру. Да, да, прямо сейчас и поеду в фирму с милым названием «Убьем всех».

Глава 5

Сразу попасть в офис фирмы, которая обещала уничтожить насекомых, мне не удалось. Едва я спустилась к машине, как позвонила женщина и вежливо осведомилась:

– Виола Ленинидовна, наша встреча не отменяется?

– Э... э... – протянула я, начисто забыв, что на сегодня назначено какое-то дело, – видите ли... Случился форс-мажор... дома трубу прорвало. Мастер только что ушел, боюсь, не успею... Хотя уже бегу к машине. Извините, не перезвонила вам... не нашла телефон в контактах...

– Я посылала вам сообщение в Ватсапп, номер должен был определиться, – расстроилась собеседница. – Я Наташа из журнала «Красота спасет мир».

– Интервью о здоровом образе жизни, – осенило меня, – встреча в кафе «Парус». Могу быть там только через час.

– Не волнуйтесь, я подожду. Главное, что вы приедете, не то главред меня сожрет и даже сапожки не выплюнет, – хихикнула Наталья.

До кафе я добиралась очень долго, а потом, ощущая свою вину перед девушкой, пару часов обстоятельно беседовала с ней. После окончания интервью я снова толкалась по пробкам кучу времени. Ей-богу, сядь я в самолет, уже прилетела бы в Лондон.

Когда я наконец-то вошла в офис фирмы «Убьем всех», время обеда давным-давно прошло, более того, в Лондоне уже пили чай. Ко мне со всех ног бросился худощавый мужчина. Подбежав, он наклонил голову и сказал:

– Вася! Сделаю для вас что угодно.

– Очень приятно, – ответила я, – меня зовут Виола.

– Спасибо, что представились, – заулыбался служащий. – Присаживайтесь к моему столу. Какая у вас проблема?

– Муравьи, – вздохнула я.

– Размер укажите, – попросил собеседник.

– Такие крохотные, – начала описывать я, – с лапками и головой.

– Нужны точные параметры, – воскликнул служащий, – до миллиметра.

– Шебеко! – загремело вдруг откуда-то с потолка. – Срочно к Игорю Федоровичу! Скачи живо!

Мужчина вздрогнул.

– Простите, меня босс зовет. Можно вас попросить выпить пока наш фирменный кофе? Я буквально на пять минут. А вы тем временем позвоните домой, узнайте размеры. Лена! Свари Виолетте латте.

– Лучше чай, – остановила я клерка.

Как только он умчался, я вынула телефон и услышала голос:

– Апартаменты писательницы Арины Виоловой. У трубки ее сестра Фаина. Говорите, я внимательно слушаю.

– Можешь мне помочь? – попросила я.

– Что-то надо сделать? – оживилась младшая сестра.

– Хочу купить отпугивателей муравьев, а продавец просит указать их размер, – пояснила я.

– И не жаль тебе деньги на пустяки тратить? – занервничала Фая. – Уже читаю заговор от всякой нечисти.

– Прекрасно, что ты этим занимаешься, – заметила я, – но, как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай, электронное приспособление не помешает.

– Сейчас поймаю одного гада и сниму с него мерки. Что надо узнать? Вес? Объем талии? – затараторила Фаина. – Поставь задачу, я решу ее вмиг.

– Думаю, нужен рост, – предположила я.

– Стоя на задних лапах?

– Муравей умеет на них ходить? – удивилась я.

– Не знаю, – ответила Фая, – но ты сказала «рост», значит, надо стоять на задних ногах.

– Задние ноги... – протянула я. – Звучит поэтически. Нет, наверное, требуется длина от хвоста до головы. Хотя... есть ли у муравьев хвост?

– Сейчас, – пропыхтела Фаина. – Стой, ты куда? Вот подлец! Бегает быстро, да от меня не уйдешь, поймала... Извини, положу, пока его меряю, трубку на стол...

– Перезвоню через пять минут, – пообещала я, видя, как ко мне приближается очаровательная блондинка с круглым подносом, на котором стояли чашка и вазочка с конфетами.

– Вот вам чаек, – произнесла девушка, – пейте на здоровье. Давайте я включу вам телевизор. Шеф Васю раньше чем через пятнадцать минут не отпустит.

У меня зазвонил телефон.

– Два миллиметра, – объявила Фаина. – Непростое задание оказалось, вертелся очень.

Блондинка включила телевизор.

– Спасибо, Фая, – поблагодарила я.

– Криминальные новости, – объявил с экрана парень в темном костюме. – Сегодня в ресторане «Холодок» был убит Виктор Мескин, широко известный в узких кругах под кличкой Пожарный.

– Не имею права тебе советовать, – завела Фаина, – но все же повторю. Зачем деньги зря тратить? Заговор всегда помогает.

Экран мигнул и теперь вместо ресторана демонстрировал ободранную дверь подъезда самой обычной пятиэтажки.

– Баба Тося может сама приехать и почитать, если мне не доверяешь, – предложила Фая.

– Баба Тося, – эхом повторил ведущий из телика, – под этим именем больные знали Антонину Семеновну Вольпину...

– Хотя я все делаю правильно, – продолжала сестра. – Может, моя энергетика и слабее...

– Целительницу сегодня жестоко убили в собственной квартире.

– Но до сих пор это срабатывало, – стрекотала Фаина. – Даже мышей прогнать могу, меня баба Тося научила.

Я быстро нажала пальцем на экран мобильного и постаралась не пропустить ни одного слова из репортажа. Ведущий говорил быстро.

– Антонина Вольпина, врач-гомеопат по профессии, народная целительница, успешно ставила на ноги тех, кого официальная медицина считала безнадежными. Людей к ней часто приносили на носилках. В девяностые годы

прошлого века после свержения коммунистического режима в России катастрофически не хватало лекарств, а доктора в массовом порядке бросились заниматься бизнесом: торговлей БАДами, медоборудованием и открытием клиник, где делали аборты даже несовершеннолетним. В ту темную пору российской медицины баба Тося была в ней лучом света. Потом Вольпина неожиданно исчезла. Оказывается, она уехала в монастырь, где и жила некоторое время. Осенью целительница вернулась в Москву и опять начала лечить недужных. Труп бабы Тоси со следами удушения и с колотыми ранами был обнаружен в ее квартире. На лестнице дома, где проживала Вольпина, нет видеокамер, в квартире знахарки они тоже отсутствуют. Полиция в растерянности. Сегодняшний день вообще богат на криминальные новости. В девять утра на третьем кольце гаишники ловили голого мужчину, который бежал в пробке...

Я схватила телефон и позвонила Степану. Дмитриев не брал трубку, пришлось отправить ему эсэмэску. Ответ пришел почти мгновенно: «В курсе событий. Позвоню позднее».

– Узнали размер? – забасил Вася, подбегая ко мне. – Не очень вас задержал?

– Все в порядке, – заверила я, – два миллиметра.

– Да ну? – удивился Вася. – О таких я еще не слышал. Думал, самые маленькие в Москве трехметровые.

– Трехметровые муравьи? – подпрыгнула я. – Только не говорите, что в столице такие появились.

– Так вы мурашек измеряли? – заржал Василий. – А мне нужен метраж обрабатываемой площади. Я имел в виду кухню. Или у вас и комнаты заражены?

Я почувствовала себя идиоткой.

– Вроде в спальне их не видела. А кухонная зона у нас в столовой.

– Давайте договор оформлять, – попросил представитель фирмы. Затем ткнул пальцем в бланк: – Здесь надо фамилию указать и обязательно размер

пространства обезнасекоменивания.

Я старательно написала данные, восхитившись про себя словечком «обезнасекоменивание». Сразу-то его и не выговоришь.

– Теперь сообщите вид паразитов, – попросил служащий.

– Муравьи, – ответила я.

– Какие? – продолжал Вася.

– Муравьиные, – пожала я плечами. – С лапками. Бегают быстро. Весьма противные. Сначала поселились в хлебнице, теперь по всей кухне-столовой носятся.

Василий начал загибать пальцы на руке.

– Мураши бывают разные. Например, фараоновы. Их так называли, потому что они из Египта к нам вместе с Петром Первым пришли.

– Царь Петр не египтянин, – поправила я, – он на Руси родился.

– Путешествовал в Рим и оттуда в своей одежде муравьев в Кремль привез, – объявил Вася. – Нам так на курсах повышения квалификации рассказывали.

– Рим не в Египте, – невесть зачем заспорила я, – это столица Италии.

– Сейчас да, – не дрогнул Вася, – а во времена Петра Первого нет. И мы же не диплом по истории сейчас защищаем. Начну заново. Муравьи бывают фараоновы, корабельные, воры, красные, черные, зеленые, поющие, танцующие, строители, гробокопатели, могильщики, весельчаки, заднелаповые, стойкие, халтурщики. У вас какие?

– Понятия не имею, – честно ответила я. – Думала, муравьи они просто муравьи.

– Невозможно все знать, – утешил меня Вася. – И вы не профессионал. Поэтому мы и работаем для вас. Если завтра утречком приедет наш профи по определению породы нежелательных паразитов, он сможет с объектами, подлежащими уничтожению, встретиться?

– Они на работу не ходят, точно дома будут, – заверила я.

– Прекрасно! – восхитился собеседник.

– Значит, сейчас уничтожитель насекомых я купить не могу? – уточнила я.

Василий понизил голос.

– Уважаемая Виола! Я получаю процент с продаж и заинтересован, чтобы вы хапнули самый дорогой аппарат. Вон тот, например, который в шкафу выставлен. Цена ему десять тысяч, производитель утверждает, что аппарат уничтожит любого вредителя. Даже свекрови вашей поплохее, когда она в дом припрется.

– Я пока не замужем, – улыбнулась я.

– Молодец! – похвалил меня Вася. – Я тоже свободен. Как послушаю разговоры мужиков о семейной жизни, так сразу от всех баб отворачивает. Короче, агрегат за нефиговые бабки это как клизма и электрочайник в одном наборе. Вроде и то и другое нужно, но зачем их объединять? Как клистир ставить, если рядом кипятилок булькает? Приятно ли чаек заваривать рядом с резиновой «грушей»? К тому же дорого. И зачем вам убийца кротов? Вы же в городе живете, а он в приборе за десятку пакетом идет. Мое предложение: давайте сперва установим, кто у вас навеки поселиться решил, именно их и станем гнать. Если просто фараоновы муравьи, то приборчик для них всего девятьсот рублей стоит. Разницу в цене сечете? Десять тысяч и меньше одной тысячи – что лучше?

– Спасибо, Василий, – поблагодарила я парня, – вы замечательно работаете с клиентами.

– Всегда готов помочь, – расцвел в улыбке служащий. – В общем, завтра с утра ждите нашего спеца. О, стишок придумался! У него при себе будут разные

приборы, сразу приобретете необходимый. Оплатить можно кредиткой. Обращайтесь только в фирму «Убьем всех», мы убьем всех, кого только пожелаете. Оформите заявочку на вызов. Про анкету не забудьте, займитесь ею. Если что не понимаете, я рядом. Все для вас! Ой, мужчина, здрассти...

Василий бросился к вошедшему в офис человеку, а я принялась заполнять бланк, краем уха слушая беседу работника фирмы с новым посетителем. Что тут в анкете указать надо? Ага, фамилию, имя и отчество. Ну, это просто. Виола Ленинидовна Тараканова...

– Всех убиваете? – пробасил потенциальный клиент.

– Исключений нет, – заверил Вася.

– За один день?

– Обычно – да. Но иногда требуется двое суток, если объем большой.

– Прямо огромный, – удрученно уточнил заказчик.

– Не волнуйтесь, справимся.

– Очень надеюсь. А то совсем житья нет.

– Все, кто к нам обратился, потом с подарками прибегают, счастливые донельзя, так как у них после нашей работы рай наступает.

– Вот и я хочу спокойно жить, да паразиты мешают.

– Нежелательные элементы в квартире наш конек.

– А трупы куда девать?

– Наш клиент ни о чем таком не беспокоится, – зачастил Вася. – Вы платите деньги – и все, остальное наша забота. В оговоренный день, в назначенный час приезжает мастер и освобождает помещение от нежелательных элементов. Он

подождет, пока все вымрут, соберет останки и унесет. Мы рекомендуем производить зачистку утром, тогда хозяева спокойно могут вернуться в квартиру вечером, никакого запаха не будет. Влажную уборку не советуем проводить трое суток. Если в семье есть аллергики, младенцы...

– Какие тут новорожденные, если от паразитов житья нет? – покраснел заказчик. – Только мы с женой... ну... того самого... как они лезут... вечно в ванную прутся.

– С супругой лучше в кровати, – хохотнул Вася, – в санузле неудобно. Я один раз больно о полотенцесушитель башкой приложился. А еще разок под моей бабой стиральная машина развалилась.

– Мы в одной комнате со старухой живем, – разоткровенничался клиент, – та глухая, как горшок. Но только мы с Ленкой... ну... того самого, как она сразу орет: «Чего ворочаетесь? Спите спокойно!» Мы в ванную шмыгнем, а там эти паразиты. Или уже стоят, или ломаются в самый неподходящий момент. Семья у нас рушится.

– Размер какой?

– Ну... шестьдесят восемь, пятьдесят шесть и, наверное, семьдесят.

– Шикарная квартира, – позавидовал Василий.

– У кого? – напрягся парень.

– У вас, – вздохнул администратор, – в общей сумме сто девяносто четыре квадратных метра.

– Да вы чего? Мы живем в будке, где не каждая собака поместится, – возразил заказчик, – кухня четыре квадрата, одна спальня пятнадцать, другая семь, коридора нет, санузел совмещенный. Нас там пятеро: я, жена, ее мать, бабка и сестра старухи. Дурдом, короче.

– Простите, наверное, я плохо услышал, – начал извиняться Вася. – Но вы же на мой вопрос о размере сказали: шестьдесят восемь, пятьдесят шесть и

семьдесят.

– Ага. Ну, может, слегка ошибся. Возможно, чуть меньше или слегка больше.

– Почему тогда вы про спаленки в пятнадцать и семь квадратов завели речь? – не сообразил Вася.

– А-а-а... – протянул клиент. – Непонятка вышла, я вам их размер сообщил.

Настал черед Василия удивляться.

– Чей?

– Паразитов. Они такую одежду носят.

Я оторвалась от анкеты и взглянула на посетителя. Муравей, который облачается в платье, где на ярлычке написаны цифры «шесть» и «восемь»? Надо узнать адрес мужика, чтобы, не дай бог, случайно не зарулить к нему в гости.

– Молодой человек, а кто у вас паразиты? – растерялся Василий.

– Теща, ее мамаша и сестра бабки, – перечислил клиент.

Вася опешил.

– Вы хотите... э...

– Ага, отравить их, – радостно уточнил заказчик. – Как там у вас на сайте написано, погодите-ка...

Клиент вытащил из сумки айпад.

– Секундос... Вот: «Убьем всех. Уничтожаем домашних паразитов быстро, качественно, безболезненно. Гарантия. Экологически чистые яды. Анонимность. Скидки». Я не зверь, готов заплатить, чтобы их быстренько и с удобством траванули.

– Уважаемый... э... э... – прозаикался клерк.

– Андрей, – подсказал клиент.

– Андрюша, – заблеял Василий, – вы такой шутник! Прямо настроение мне подняли! А теперь давайте по-серьезному. Кто у вас в квартире завелся? Тараканы? Мыши? Кроты? Землеройки?

Андрей вынул бумажник.

– Говорю же, у меня теща и две бабки. Паразиты. Плачу сразу. Сто процентов. И на чай дам.

– Простите, у нас на таких крупных особей химии нет, – нашел подходящий аргумент Вася, – мы специализируемся по мелким паразитам, типа муравьи, мухи.

– А почему называетесь «Убьем всех»? – задал вопрос дня Андрей. – Значит, не возьметесь мать жены с гоп-компанией грохнуть?

– Извините, вынужден отказать, – забормотал Василий. – Вам лучше обратиться к другим специалистам.

Андрей встал.

– Ну и на фиг тогда сообщать на сайте «убьем всех»? Только в заблуждение народ вводите!

Продолжая возмущаться, посетитель ушел. Василий вынул из ящика стола бутылку минералки, быстро опустошил ее прямо из горлышка и повернулся ко мне.

– Готова анкетка?

Я протянула ему листок и осторожно осведомилась:

– Может, надо было в полицию сообщить? Вдруг этот парень найдет тех, кто его родственников убьет!

– Мое дело – насекомые, – отрезал Вася, – с психами пускай врачи разбираются. Вопрос: если мастер сможет не завтра, а сегодня прийти? То это как?

– Это еще лучше! – обрадовалась я.

У меня затрезвонил телефон, на экране определился домашний номер. Меня разыскивала Фаина, она спросила, люблю ли я картофельное пюре. Я предупредила Фаю, что вызвала к нам морильщика тараканов, он должен прийти завтра с девяти до десяти утра, но возможно появится сегодня во второй половине дня.

Глава 6

Покинув офис фирмы «Убьем всех», я занялась другими делами, периодически пытаюсь дозвониться до Степана, но тот не брал трубку.

Зарецкий, владелец издательства «Элефант», сейчас находится в США, поэтому его искать я не стала, зато безостановочно набирала номер Сазоновой, но безуспешно. В конце концов я приехала в объединение «ЛитРес», которое распространяет электронные версии моих книг. У пиар-отдела этого портала родилась идея снять ролик, совсем секунд на двадцать, в нем я должна сказать «спасибо» и еще какие-то приятные слова незнакомому человеку, который купил в Сети мой детектив.

Запись короткая, но времени мы потратили очень много. Сначала меня причесывали, наносили макияж, потом мне вручили текст. Он показался мне глупым, и я вступила в отчаянный спор с Сергеем, директором фирмы. Слава богу, он не принадлежит к многочисленной армии людей, которые считают правыми лишь себя любимых, я тоже не из породы ослиц, поэтому где-то минут через тридцать мы наконец пришли к единому мнению и поправили текст. А вот режиссер ролика оказался человеком, не желающим уступать, сей Тарантино секундной рекламы повторял в мой адрес:

– Не верю! Ваше «спасибо» звучит фальшиво.

А еще время от времени мне звонила Фаина и задавала дурацкие вопросы: я ем пюре с маслом? Класть ли в картошку чеснок? Как я отношусь к укропу?

Покинув наконец-то офис «ЛитРес», я зарулила в кафе и спокойно поела. Когда дело дошло до чая с пирожными, трубка снова затрезвонила. К моей радости, на сей раз со мной жаждала поговорить Лена Барсукова, и я сладострастно обсудила с ней новые туфли и платье, которые подруга собралась купить. Потом поболтала еще с парочкой людей, посмотрела на часы и с удивлением поняла: уже наступил вечер. Я села в машину, и тут меня потревожил Зарецкий с вопросом:

– Что случилось, моя звезда?

– Все в полном порядке, – отрапортовала я. – Ты уже приехал? Или еще в Америке?

– В США пока. Но это не помешало нашим журналистам мне телефон оборвать, – заворчал владелец «Элефанта». – Несут какую-то чушь: сестра писательницы Арины Виоловой арестована за убийство известной целительницы, имя которой я успел забыть.

– Бабы Тоси? – предположила я.

– Так ты об этом знаешь! – воскликнул Иван. – Не переживай. Сейчас сделаем пресс-релиз, разошлем по СМИ, объясним, что сестра у тебя появилась недавно, ты понятия не имела об ее существовании.

– Это очередная «утка», – заверила я. – Фая сейчас у меня дома, она мне постоянно звонит. Да ей и в голову не придет на Вольпину нападать. Алло, ты меня слышишь? Алло...

Я с досадой поставила телефон в держатель – в Москве полно мест, где мобильная связь мистическим образом исчезает.

Сотовый запрыгал в подставку, и я быстро ответила, решив, что это повторный вызов из-за океана:

– Иван, послушай, Фаина ни при чем, она...

– Вольпина умерла, – раздался в трубке голос Степана, – причина смерти пока не ясна. Делом будет заниматься Вадик Измирин, мой хороший приятель. Он тебя знает, поэтому сразу звякнул мне. Жильцы дома начали на разные лады склонять фамилию «Тараканова», рассказали, что Фаина практически жила вместе с Антониной, потом одна там обитала, хозяйка после возвращения выгнала ее, и Фая кинулась к отцу-актеру и сестре-писательнице.

– Слава богу, ты наконец-то освободился! – обрадовалась я. – Вольпина правда мертва? Это не «утка»?

– Да, – подтвердил Дмитриев, – и в совершении преступления подозревают Фаину.

– Бред! – возмутилась я. – Она сидит у меня дома, я видела ее перед уходом, Фая никуда не собиралась.

– И давно ты покинула апартаменты? – ехидно перебил Степан.

– Ну... утром, – протянула я.

– А сейчас вечер, – отрезал приятель. – Фаина сто раз могла успеть съездить в дом, где жила раньше и где все знают, что она твоя сестра.

– И как только народ все вычисляет? – рассердилась я. – Откуда людям известно, что мы с Фaeй родня?

Степан издал странный звук, похожий на скрип.

– Шутишь, да? После всех шоу, в которых приняли участие твои ближайшие родственники, даже дворовые кошки в курсе, что помощница целительницы бабы Тоси является дочуркой актера Ленинида Тараканова, а следовательно, сестрой Арины Виоловой.

– Погоди-ка, я увидела случайно по какому-то каналу новости, в них сообщали, что Вольпину задушили и зарезали. А ты говоришь про невыясненную причину смерти, – сказала я.

– Задушили, зарезали, утопили, задавили машиной, повесили – и все одновременно, – вздохнул Степа. – Телик, как водится, врал.

– Фаина не имеет к этой истории ни малейшего отношения, это какая-то ошибка, – возразила я. – Извини, у меня Зарецкий на линии. Ему и в Америку журналисты дозвонились. Даже странно, что меня пока на тряпки не разорвали. Сейчас с ним поговорю, потом с тобой свяжусь.

– Мало нам было того, что у Арины Виоловой отец бывший вор, так теперь еще у нее сестра-убийца образовалась, – зашумел Иван. – Один уголовник в биографии это не так уж и плохо для пиара. Даже, я бы сказал, хорошо. Потому что в России полстраны сидит, и с таким родственником ты становишься своей для многих женщин, у которых мужья, братья, сыновья, любовники находятся или побывали на зоне.

Я притормозила на светофоре.

– Даже Сталин сказал: «Сын за отца не отвечает». Какие ко мне претензии в отношении Ленинида?

– А вот два Соловья-разбойника Арине Виоловой никак не нужны, это уже слишком, – не прислушиваясь к моим словам, продолжал Зарецкий. – Не кошерно получается. Необходимо что-то придумать. Так... Она у тебя сейчас живет?

Я попыталась перестроиться в правый ряд.

– Фаина тихая, скромная, не очень умная, необразованная, но добрая женщина. Хорошая мать. Она точно не убийца. Это недоразумение.

– Черт! Черт! Черт! – вышел из себя Иван. – Так и знал, Туча уже в эфире! Воткни его программу... Вот ведь мерзкий мужик! Он и тебя, и меня ненавидит. Обрадовался поводу, гаденыш. Падальщик! Поедатель помоев!

Трубка замолчала, я начала настраивать радиоприемник. «Туча» – это прозвище Арсения Тучанского, который пару лет назад принес в «Элефант» свою рукопись и отдал ее в отдел прозы со словами:

– Это во сто крат лучше вашей дерьмовой Виоловой и всех остальных авторов, вместе взятых. Бомба, которая взорвет книжный рынок. Это Арс Туча.

Такой вот красивый псевдоним мужик себе придумал.

Естественно, сотрудники издательства, прекрасно осведомленные о более чем нежном отношении Ивана Николаевича Зарецкого к Виоле Таракановой, мигом донесли боссу слова Тучанского. По дороге от одного редактора к другому, переползая со второго этажа (куда может войти любой автор, мечтающий, чтобы «Элефант» напечатал его нетленное произведение) до восьмого, где сидит его величество царь издательства, фраза Арсения слегка видоизменилась, и Зарецкий услышал ее от одного из своих клеветников в таком варианте:

– Тучинский, тот, что ведет на радио программу «Писатель», принес рукопись, бросил ее редактору на стол и заорал ему в лицо: «Вот вам настоящая книга, а не понос, который выливает ваша Арина. Читать Виолу это все равно что есть из помойного ведра».

Иван Николаевич от таких слов посерел, швырнул на пол пресс-папье и завопил:

– Пока я жив, ни одна книга Тучи в «Элефанте» света не увидит. Гоните его вон! Ох уж эти литераторы... Одни неприятности от них. Куда писателя ни поцелуй, везде попа!

Ну, на самом-то деле Иван высказался куда хлеще, вместо ласковой «попы» с его уст слетело словцо, начинавшееся на другую букву. Я же понятия не имела о том, что произошло, но потом друзья стали звонить и возмущаться:

– Почему «Элефант» не даст хаму в нос? Тучинский в каждой своей передаче поливает тебя, точнее Арину Виолу, грязью.

Пришлось провести небольшое расследование, и передо мной во всей своей красе открылась правда о визите Арсения в «Элефант».

Я продолжала вертеть ручку радиоприемника, пока в салон машины не ворвался сочный мужской бас:

– Что хорошего может написать баба из семьи профессиональных воров и убийц? Вопрос: что делать с книгами этого автора, а их, увы, читают и дети, которым родители не объяснили, что отдельные издания негоже даже вместо туалетной бумаги использовать. Разве можно печатать, а затем продавать произведения женщины, чей отец нагребил миллиарды, сестра профессиональный киллер, а любовник Степан Дмитриев отсидел в общей сложности около тридцати лет? А только что Виолу саму замели за убийство, она лишила жизни...

Я выключила радио и опять взяла телефон.

– Иван, чего ты хочешь, это же Туча. Ничего нового не произошло, он постоянно про меня гадости говорит, придумывает всякую дрянь.

– Но ведь он не все врет, – перебил Зарецкий, – в его словах всегда есть зерно правды. Ленинд сидел?

– Да, – согласилась я, – тут крыть нечем.

– А твой расчудесный Степан? – ревниво поинтересовался Иван.

– Дмитриев очутился за решеткой по ложному обвинению... – начала я.

– Ой-ой! – зачастил Зарецкий. – Послушать уголовничков, так они все прямо-таки райские птички. И что мы имеем? Папаша разбойник, ближайший дружок ему под стать, а теперь ты человека убила и арестована.

– Иван, очнись! – велела я. – Настрой антенны своего мозга на правильную работу! Ты же мне сейчас позвонил на мобильный, и я взяла трубку. О каком задержании может идти речь? Еду одна-одинешенька в собственном автомобиле по московским пробкам.

– Тебя схватили прямо на месте преступления, – настырно загудел издатель, – у трупа взяли.

Я не поверила своим ушам.

– Кого?

– Те-бя, – по слогам произнес Иван, – посадили в коробок и увезли.

– Куда? – растерялась я.

– Понятия не имею, – процедил Зарецкий. – Только что сказали, это ты.

Происходящее стало напоминать пьесу абсурда. Я припарковалась у какого-то супермаркета.

– Ваня, ты же со мной сейчас беседуешь. И я весь день моталась по разным делам, была на глазах у кучи людей, которые подтвердят мое алиби. Подожди, звонок по второй линии, наберу тебя через минуту... Алло!

– Пи-пи, – раздалось в ухе.

Потом послышался фальшиво бодрый баритон:

– Арина Виолова?

Таким тоном говорят плохие радиоведущие – им почему-то кажется, что, крича, как учитель физкультуры на первоклашек, они моментально соберут миллионы слушателей.

– Вы кто? Представьтесь! – потребовала я.

– Николя, – прозвучало в ответ, – радио «Желтуха».

Вот вам еще одна примета идиота у микрофона – такой никогда не скажет: «Меня зовут Николай». Нет, нет, он или она будут Николя, Мишель, Базиль, Энн, Кэти, потому что Коля, Миша, Вася, Аня и Катя это ну очень совково, а хочется, чтобы было как за границей, красиво.

– Прокомментируйте свой побег, – потребовал невидимый собеседник. – Наши радиослушатели хотят узнать подробности из первых рук. Вы в прямом эфире, говорите...

Сначала я собиралась сказать, что узнать подробности можно из первых уст, руки тут ни при чем. Но потом решила не просвещать корреспондента и уж тем более не отвечать на его до изумления глупую просьбу. Как я могу прокомментировать свой побег из полиции, если меня никто не задерживал? Да только ввязываться в спор с работником радиостанции занятие донельзя глупое и неблагодарное. Но и бросать трубку не стоит. Николая тут же заявит, что я уже таскаю тачку на каторге, поэтому и не могу слова вымолвить. И что делать? Ага, придумала...

– Петька, – захихикала я, – узнала тебя! Решил меня разыграть? А не вышло! Имечко «Арина», как ее там дальше, сам придумал или в фейсбучиле нашел? Зря старался радиомэном прикинуться – с таким тупым голосом, как твой, тебя даже на вокзал о прибытии поездов объявлять не возьмут. Давай, подваливай. Сейчас Женек с пивасиком припрет. Алло! Это прямой эфир? Хочу, блин, маме в город Фиганск приветик передать. Ку-ку!

Николай мигом отсоединился.

Глава 7

Через секунду раздался звонок Степана.

– У тебя есть дурацкая розовая куртка с капюшоном, который отделан мехом Чебурашки того же цвета? – спросил он. – И шапка шерстяная в придачу с помпоном со стразами? На спине куртки синяя надпись: «Пейте чай «Трифон».

– Да, есть. Откуда ты знаешь? – удивилась я.

– Так нарядилась женщина, которую задержали у трупа Антонины, – пояснил Дмитриев. – Даму опознали как писательницу Арину Виолу.

– Бред! – подпрыгнула я. – Этот прикид мне подарила...

– Компания «Трифон», выпускающая чай, – перебил Степан, – в рекламных целях.

– Мне были нужны деньги... – начала оправдываться я.

– Редко встретишь человека, который говорит обратное, – перебив, заметил Дмитриев.

Я принялась растолковывать суть дела:

– «Трифон» предложил мне поучаствовать в фестивале, который организовала фирма. Проходил он месяца два назад в выставочном зале. Очень хорошее получилось мероприятие, там торговали чаем, бесплатно угощали баранками. И все это под песни какого-то народного ансамбля. Я была ведущей части праздника, за что получила неплохой гонорар. А после того, как завершила работу, меня попросили сделать фото на фоне упаковок чая, вручили розовую куртку с надписью и шапку с блестящими камешками. Потом сняли небольшой ролик – я в этой одежде иду вдоль рядов с товаром, выбирая чай по вкусу. Перед уходом мне вручили чемодан с образцами продукции «Трифон». Кстати, неплохой чаек, я его с удовольствием пью. А вот одежда мне не понравилась, не стала ее носить.

– Выбросила? – уточнил Степан.

– Да нет, оставила. Натягиваю, когда нужно вынести помойное ведро, – объяснила я. – Кстати, как раз сегодня рано утром именно в ней к бачку сбегала.

– Почему тогда сказала, что не используешь куртку по назначению? – спросил Дмитриев.

Я попыталась объяснить Степе что к чему:

– Если спускаешься в куртке во двор с мешком мусора это вовсе не значит, что ты носишь шмотку.

– Правда? – хмыкнул Дмитриев. – А я всегда считал: если облачаешься в свитер-рубашку-брюки, то это твоя одежда.

Нет, ну как объяснить мужчине, что куртка, которая циркулирует по маршруту квартира – помойка, служит исключительно для прогулки к бачку с отбросами. Ее не носят, ее используют только для этой цели. Вот пуховичок, который сейчас на мне, я с удовольствием ношу, – красивый, модный, приятного цвета без дурацких рекламных слоганов.

– Где прикид находится сейчас? – не утихал Степан.

– Дома в шкафу, – ответила я. – Стоп! Это просто поток бреда. Журналюги что, сначала говорили, мол, Антонину убила Фаина, а потом стали утверждать, будто жизни ее лишила я?

– Действительно ерунда получается, – вздохнул Дмитриев. – И я тебе еще не все передал, что сообщает пресса. Одни корреспонденты уверяют: задержали Фаину. Другие кричат – тебя. Слухи роятся, нагромождаются один на другой. Арину Виолову вот-вот начнут атаковать репортеры. Но что еще хуже, папарацци налетят на Фаину. Уж извини, но твоя сестра, похоже, за деньги готова на все. Она уже согласилась плясать под дудку родителя, участвовать во всех телеглупостях. И если ей сейчас пообещают хорошую сумму, милая дамочка подтвердит что угодно. Например, расскажет, как сама душила-топила Антонину или присутствовала в квартире, когда в целительницу Вилка стреляла.

– У Фаины нет денег, собственной квартиры, работы, зато у нее есть сын-инвалид, который живет в благотворительном приюте, – перебила я Дмитриева. – И подросток через два года окажется на улице, если мать не обзаведется к тому времени хоть каким-то жильем. Да тут на любое шоу согласишься, лишь бы заработать хотя бы на комнату.

– Кое-чего нельзя делать даже за очень большую сумму и ради самой благой цели, – возразил Степан.

– Фая не убивала бабу Тосю, – отрезала я. – А что касается меня... Надеюсь, ты понимаешь, что мне и в голову не придет лишать кого-то жизни...

– Вот и давай объясним всем, что сестры Таракановы ни при чем, – остановил меня Степан. – Проверь, не исчезла ли твоя розовая куртка из шкафа, надо убедиться, что она на месте.

– Хорошо, – согласилась я, – через минуту перезвоню.

Я набрала свой домашний номер и стала ждать, когда Фая возьмет трубку. Но сестра не спешила подходить к телефону. Мне пришлось звонить несколько раз, пока наконец не раздался ее запыхавшийся голос:

– Алло! Кто это?

– Сделай одолжение, открой шкаф в прихожей и глянь, висит ли там розовая куртка с надписью на спине, – попросила я.

– Ой, Виолочка, – засуетилась Фаина, – извини, я сразу не услышала треньканье. Тихо телефончик фурычит.

– Нашла куртку? – спросила я.

– Сейчас пойду искать, только руки вытру, – затараторила сестра, – я полы мою.

– Прекрати немедленно. Завтра придет домработница и все сделает.

– Я лучше всех уборщиц справлюсь, – возразила Фая. – Зачем деньги тратить зря? Ага, вот она, куртка, на крючке, из кармана шапка торчит. А почему ты про нее спрашиваешь?

– Хочу подарить эту вещь, – соврала я, – не ношу ее, только место занимает.

– Ты такая добрая, – зашептала Фаина, – вещь-то теплая и совсем новая. Виолочка, можно кой-чего попросить?

– Говори, – велела я.

– Вот глянула я на себя в зеркало и подумала: такая я некрасивая... прямо уродина...

– Неправда! – перебила я.

– Страшила просто, – уперлась Фаина. – А это неправильно. Будут говорить: сестра у звезды просто жуткая. Может, мне цвет волос изменить?

– Зачем? – не поняла я.

– Тогда стану симпатичней, – растолковала Фаина. – Как думаешь, мне какой цвет подойдет?

Никчемный разговор мне хотелось побыстрее завершить.

– Лучше не краситься радикально. Стань чуть-чуть темнее, – ответила я.

– Ой, мне так неудобно просить...

– Тебе что-то надо?

– Только не сочти меня нахалкой... С деньгами-то у меня очень плохо, что зарабатываю, все в Антошу вкладываю.

– Скажи, чего ты хочешь.

– Еще, не дай бог, подумаешь, что я попрошайка...

Дурацкая беседа мне надоела. У вас, наверное, тоже есть такие знакомые, которые перед тем, как озвучить свою просьбу, целый час кокетничают и кривляются, повторяя: «Господи, ужасно стыдно занимать твое время». И приходится их убеждать, что вы готовы исполнить просьбу, лишь бы они перестали тратить ваше время на выслушивание пустой болтовни и наконец сообщили, что им надо.

– Свалилась я тебе на голову... – стонала Фая, – корми-пои меня, а теперь еще и просьбы выполняй...

– Хорошо. Как хочешь. Если тебе некомфортно, ничего не говори. До вечера, – отрезала я.

– Стой, стой, стой! – испугалась Фаина. – У меня маленькая просьба, совсем малюсенькая. В ванной я видела пакет от фирмы «Хар». Там что-то для волос? Дорогое?

– Позавчера я ездила на презентацию книги, которую выпустило издательство. У автора есть спонсор, предприятие, выпускающее разные средства для оздоровления волос: шампуни, маски. Фирма всем гостям сделала подарок.

– Здорово быть знаменитостью, – позавидовала Фая, – всякие хорошие вещи без денег сами в руки падают.

– Насчет «хорошие» можно поспорить, – усмехнулась я. – Обычно в дармовой пакет ерунду кладут. А если там образцы продукции, то они в крохотных упаковках, вроде пробников.

– Нет, тут большие бутылки, – возразила сестра. – И еще тюбики, на них написано «Краска на основе натуральных продуктов».

– Хочешь с ее помощью изменить цвет волос? – догадалась я.

– А можно? – робко спросила Фаина.

– Конечно, бери, – разрешила я.

– Тебе не жаль?

– Абсолютно нет.

– Но я ее использую!

– Конечно...

– Ой, чувствую себя побирушкой, которая отнимает у сестры...

Мое терпение лопнуло:

– Фая, извини, я опаздываю на встречу. Крась свои волосы сколько душе угодно. Я не собиралась использовать содержимое пакета «Хар», забирай его себе.

– Ой, правда? Ой, спасибо! Ой, вот мне свезло! – заликовала сестра. – Ты уверена? Там еще тапочки с логотипом. Я их могу надеть?

– Да, – отрезала я.

Немедленно отсоединилась, взяла бутылку воды, сделала глоток и услышала телефонный звонок.

Слава богу, это была не Фаина с бесконечными выражениями благодарности.

– Ты где? – поинтересовался Степан.

– Неподалеку от метро «Тульская», – объяснила я.

– Можешь через полчаса подъехать в Глазовский переулок?

– Если он находится в Марьино, то мне туда и за два часа не добраться, – вздохнула я.

– Нет, это старый Арбат, – уточнил мой друг. – Сейчас пришлю адрес. Наберешь номер квартиры на домофоне и войдешь. Четвертый этаж. Лифта нет.

– Ладно, – согласилась я. – А зачем мне туда?

– Все объясню на месте, – пообещал Дмитриев.

Глава 8

– Оперативное помещение? – предположила я, осматривая интерьер.

– Вы на редкость сообразительны, – похвалил меня брюнет, стоявший у кухонного шкафчика.

– Тут особого ума, чтобы понять что к чему, не надо, – засмеялась я. – На окнах желтые занавески, купленные, похоже, еще в советское время. Стены сине-голубые, а это любимый цвет нашей милиции, а теперь полиции, на кафель ваш хозотдел пожадничал, поэтому на полу линолеум, который продавался в годы моего детства. Обстановка тоже эдак тридцатилетней давности. Здесь сильно пахнет табаком, неуютно, мрачно, чашки разномастные, а в довершение картины – инвентарные номера на мебели.

– Где? – удивился брюнет.

Я показала ему на овальный кусочек жести, приделанный сбоку столешницы.

– Не заметил его, – нахмурился мужчина. – Вы правы, это оперативная квартира, но пока тут проживаю я. Недавно с женой развелся, она меня на улицу выгнала.

– При разводе имущество делится пополам, – подсказала я.

– Трешку в качестве презента на свадьбу подарили родители невесты. Они сделали такой финт: купили апартаменты на имя матери, а она потом преподнесла их дочери.

– И что? – не сообразил Степан. – Если пара разбежалась, нажитое пилят по-честному. Или ты решил благородство проявить, ушел в одних трусах? Собрался до конца жизни по оперквартирам скитаться? Сейчас эта лафа у тебя, потому что в кресле начальника Федоров сидит. Он сотрудникам как отец родной, всегда помочь готов. Но Игорю Лаврентьевичу скоро на пенсию, и как только появится новый шеф, тебя выпрут отсюда, придется ползарплаты за съем однушки отдавать.

– Ты не понял, Степа? Ключевое слово в моем объяснении глагол «подарили», – тяжело вздохнул мужик. – Повторяю: теща сделала дочке подарок на свадьбу – хоромы. А презенты при расторжении брака дележке не подлежат. Кабы на жилье для нас моя родня раскошелилась, на выход пришлось бы Галине идти. Но в нашем случае турнули господина Измирин, то бишь меня. Ах да, я не представился вам, Виола Ленинидовна, Вадим Измирин.

– Он ведет дело о подозрительной смерти Антонины Вольпиной, – растолковал мне Дмитриев.

– Знаю, что вы близкая подруга Степана, – снова заговорил Измирин, – но все же хочу спросить: где вы находились сегодня после обеда?

– Сидела в фирме «Убьем всех», – спокойно ответила я. – Довольно долго там пробыла. Минуточку...

Я порылась в сумке и вытащила парковочный талон.

– Вот, здесь указано, когда я въехала на стоянку и когда покинула ее.

– Отлично, – сказал Вадим. – Но это сведения о машине, а она, как понимаете, может и без любимого хозяина укатить, не обязательно самому владельцу баранку крутить.

– Конечно, у нас по улицам многие малолитражки сами разгуливают, – тоже совершенно серьезно ответила я. – Вот и моя умная «букашка», пока я душила-резала целительницу, решила создать хозяйке алиби: прибыла на стоянку, помаячила там, оплатила талон и вернулась за убийцей. Все логично. Осталось найти ответы на несколько вопросов. Один из них: каков мотив устранения мною Вольпиной? Я ее никогда не видела, до недавнего времени даже не слышала о ней. И вообще предпочитаю лечиться не у шептух, а ходить к нормальным врачам.

– Виола Ленинидовна, оставьте сарказм, я вам не враг, – тихо произнес Вадим. – Вы автор детективных романов, а заодно сыщик-любитель, стали в этом деле почти профессионалом. И конечно, должны понимать, что я имел в виду: за руль автомобиля мог сесть любой человек, а не только хозяин. Я несколько раз сталкивался с алиби, которое с помощью документа об оплате организовывали

своим мужьям жены. В одном деле присутствовал чек за услуги стоматолога, и на ресепшен клиники подтвердили, что пациент Шевченко во время совершения преступления сидел в кресле с раскрытым ртом. У меня никак не сходились концы с концами, а потом я догадался поговорить с врачом. И что выяснилось? Пациент Шевченко это женщина. То есть она своего супруга покрывала.

– Очень глупый поступок, – фыркнула я. – Поверьте, я способна придумать кое-что получше.

– Меня всегдастораживает, если человек хранит ненужные бумажонки, – продолжал Вадим. – Талон на парковку люди обычно сразу выбрасывают. А вы его мне показали. Думали об алиби?

– С ума сошли? – обозлилась я. – Поблизости не было урны, а меня с детства приучили не сорить, вот и сунула квитанцию в сумку. Благополучно забыла о ней, а сейчас квиток кстати пришелся. С меня хватит! Всем до свидания!

– Пожалуйста, не кипятитесь, – попросил Измирин. – Я понимаю, что вы не убивали знахарку. Вас кто-то решил представить.

Я сменила гнев на милость:

– Извините, погорячилась. Если свяжетесь с офисом морильщиков муравьев, то вам подтвердят, что я была у них в то время, которое указано на талоне. А на парковке есть охранник, он у меня книгу попросил с автографом.

– Отлично! – обрадовался Вадим.

– Теперь объясните, почему наши с сестрой имена оказались связаны со смертью Вольпиной, – потребовала я.

Измирин сел за стол.

– Знахарка назначила сегодня первой больной явиться в полдень. Записанная на прием Елена Михайлова подошла к двери квартиры целительницы, а та чуть приоткрылась. Женщина, решив, что баба Тося увидела ее в окно, поэтому любезно отперла дверь, вошла в однушку и – еле на ногах устояла. На полу

лежало тело, над которым склонилась фигура в розовой куртке и такого же цвета шерстяной шапочке с блестками. Пациентка закричала, и женщина в розовом бросилась вон. Но, к большой неудаче последней, именно в тот момент, когда преступница под истошный вопль Михайловой «Помогите, убили!» вылетела из квартиры, в подъезд вошел участковый Борис Гурьев. Полицейского вызвали из-за драки, которую затеяли два мужика на четвертом этаже. Парень схватил тетку, вернул ее в квартиру и увидел труп. Потом позвонил в отделение и сказал: «Тут убийство на первом этаже – мертвая баба в однушке. Я преступницу взял. Только есть проблема: это писательница Арина Виолова». А дежурный ответил: «Да мне плевать, кого ты там нашел, Арину, Малину или Галину. Машины нет, людей тоже, все на вызовах. Короче, добирайся сюда сам, да не забудь захлопнуть дверь. Из убойного приедут – откроют».

– Разве так можно? – усомнилась я. – Оставлять тело без присмотра?

– Мы же говорим не о том, как надо действовать, а о том, что было в реальности, – поморщился Вадим. – Борис – молодой сотрудник, недавно на службе, с убийствами пока не сталкивался. Опыта у парня нет, теоретическая подготовка слабенькая, старших товарищей рядом не оказалось. Да и струхнул он немного при виде бездыханного тела, в чем честно потом признался. В общем, дальше дело было так...

Гурьев вывел задержанную, которая не произнесла ни слова, и безостановочно рыдающую Михайлову во двор. А там гуляла женщина с младенцами. Она крикнула:

– Фаина, правда, что баба Тося умерла?

Борис остановился и спросил у тетки:

– Как вы называли задержанную? И откуда знаете, что целительница скончалась? Назовите свое имя.

– Светлана Борисова, – представилась та. – Мне Ирка сказала, она над однушкой на втором этаже живет, слышала, как внизу орали: «Помогите, убили!» А потом вы пришли. Файка, чего молчишь? Загордилась совсем? Как же, сестра писательницы!

– Вы уверены, что это не сама звезда? – уточнил юный полицейский.

– Че я, Фаину не видела? – фыркнула тетка. – Ишь, шапку натянула, платок замотала, очки нацепила... Да все равно ведь понятно, кто это – Фаина Тараканова.

Гурьев повел задержанную дальше. Рядом шла свидетельница. По дороге участковый опять позвонил в отделение и пустился в объяснения:

– Ошибочка вышла, убийца не литераторша, а ее сестра, звать Фаиной.

– Хорош балаболить! – заорал дежурный из трубки.

До полиции идти несколько кварталов, по одной стороне улицы тянется забор автобусного парка. Когда троица приблизилась к главному входу транспортного предприятия, из ворот нагло вышла толстая крыса...

– Их в Москве много, – кивнув, перебила я рассказчика, – часто грызунов у мусорных бачков вижу.

– Каждый раз в обморок падаете? – заинтересовался Измирин.

– Нет, конечно, хоть и являюсь представительницей слабого пола, – фыркнула я. – Просто хорошо знаю: обычно крыса первой не нападает на человека. Не надо только в нее камнями швырять.

– А вот Елена Михайлова свалилась кулем, – продолжал следователь. – Гурьев кинулся к ней, на время упустив из виду задержанную, и та сбежала...

– В наручниках? – уточнила я.

– Нет, – вздохнул Вадим.

– То есть женщина, которую обнаружили у трупа, шла без «браслетов»? – протянула я. – Мне всегда казалось, что...

– Гурьев не стал надевать на нее наручники, – нахмурился Вадим. – Мне он так сказал: «Задержанная известная писательница. Я ее книги не читал, но подумал: у тетки точно полно влиятельных знакомых. Ща ее адвокат приедет, прицепится, что в наручниках бабу вел, а она ведь никакого сопротивления не оказывала. Ну и решил скандала избежать. Потом выяснилось, что это не сама детективщица, а ее сестра. Так тоже плохо: звезда за нее всем пасть порвет, виноватым я буду. И тетка тихая была, послушная, без спора со мной потопала, только разговаривать не хотела, все время молчала, ни звука не издала».

– Отлично работаете, парни, – заметил Степан.

– Я тут ни при чем, – обиделся Вадим. – Был на вызове, вернулся – все на ушах стоят: Гурьев убийцу упустил. Да не какую-нибудь там подружку алкаша, которого она сковородкой за безостановочное пьянство порешила, а не то писательницу Арину Виолову, не то ее сестру Фаину. Точно никто сказать не мог, две версии было. Знаете, Виола, вы ведь весьма популярны среди женщин, даже тех, кто в погонах.

– Спасибо, – буркнула я. – А теперь вопрос дня: по какой причине участковый решил, что перед ним Арина Виолова?

Вадим почесал кончик носа.

– Вас Михайлова узнала.

– Отлично, – скривилась я. – А ничего, что меня там даже близко не было? Легко подтверждаю свое алиби. И на основании чего Елена решила, что у трупа была именно я?

– Михайлова ваша страстная поклонница, – объяснил Измирин, – ей давно хотелось с вами познакомиться, женщина пару раз посещала автограф-сессии в магазинах. Но уходила разочарованной – обстоятельный беседы с детективщицей не получалось, вы ей мало времени уделяли.

– Естественно, нет, – перебила я следователя. – Стоит очередь, все хотят получить автограф на книге. Максимум, что я могу спросить у человека, это как его зовут, и улыбнуться. Ну, может, еще разрешить ему сделать селфи со мной.

– А Елена мечтала о задушевной беседе, – продолжил Вадим. – Поэтому когда фирма чая, где она заведует отделом маркетинга, собралась устраивать праздник, то...

– Женщину Еленой Ивановной зовут! – подпрыгнула я. – Полная шатенка с ярким, прямо-таки боевым раскрасом?

– В точку, – улыбнулся Измирин. – Помню, тетка вдруг чихнула, и я даже испугался, что у нее с лица кусок штукатурки упадет и стол мне пробьет. Ну почему некоторые женщины сами себя уродуют? Веки густо-синие, щеки красные, губы бордовые – натуральный клоун.

– Как-нибудь потом обсудим проблему макияжа, – остановила я полицейского, – сейчас меня другое волнует. Отлично помню эту Михайлову. Она вела себя во время мероприятия крайне бесцеремонно, постоянно толкалась около ведущей, отгоняла тех, кто пытался пообщаться со мной, шипела: «Хватит задавать вопросы, это неприлично». А сама безостановочно спрашивала меня о всякой ерунде. Из ее рта так и сыпалось: «Вы замужем? Нет? Почему? Дети есть? Нет? Почему? Кошечку дома держите? Нет? Почему?» Я очень обрадовалась, когда ее кто-то из начальства отозвал, до безобразия назойливая и невоспитанная особа.

– Все дело в куртке, – вздохнул следователь. – Михайлова сообщила в полицию, что ее сшили специально для Тарakanовой под акцию, второй такой нет.

– Значит, она опознала одежду? – поняла я.

– Ну да, – согласился Вадим, – клялась, что она уникальна.

– Может, и так, – согласилась я, – но моя куртка дома, в шкафу. Я уже сто раз Степану сказала и еще раз повторю: влезаю в розовое безумие, только когда иду на помойку. Теперь следующее. Коим образом информацию о том, что Арина Виолова убила целительницу, проникла в прессу? И почему журналисты до сих пор треплют имя Фаины?

– Елена Ивановна, как я понял, человек истерического склада, – вздохнул Измирин, – не способна эмоции в узде держать. Да и день у нее выдался сложный. Сначала обнаружила мертвую бабу Тосю, потом увидела крысу. Вот тетке и снесло чердак. Когда Гурьев ее в отделение привел, Михайлова начала

кричать: «Писательница Арина Виолова убила Вольпину! Я видела, как она зарезала старуху! Пилой!»

– Пилой? – повторила я. – Ну просто слов нет!

– Участковый попытался остановить истерику, – продолжал Вадим, – возразил: «Если кого распилить, море крови выльется, а в комнате чисто было. Да и тело выглядело целым».

– Логично, – хмыкнула я.

Вадим продолжил:

– Но на Михайлову слова парня впечатления не произвели, она продолжала вопить. Доложила между делом про розовую куртку и рекламное мероприятие. Гурьев попытался усмирить ее: «Замолчите, не кричите! Вы же слышали, соседка во дворе объяснила, что задержанная не Арина Виолова, а ее сестра Фаина». А мне потом юный участковый сказал, что и сам не знает, кого вел в отделение, писательницу или ее родственницу, потому что тетка упорно молчала, имени своего не назвала.

– А мне вот понятно, что бравый полицейский не потребовал у задержанной документы! – рассвирепела я.

– Нет, парень попросил ее предъявить паспорт, – вздохнул Измирин, – но женщина только шапку до носа натянула и молчала. Зато Михайлова орала без умолку, в том числе и в отделении...

– Можешь не продолжать, – зашипела я, забыв про вежливое «вы», – и так ясно: кто-то из присутствовавших там живо позвонил папарацци.

– Думаю, что таких граждан оказалось несколько, – поправил Степан, – отсюда и путаница: одни рассказали про тебя, другие про Фаину.

Я внезапно успокоилась.

– И понятно, почему они так поступили – СМИ хорошие деньги за сведения о звездах платят.

– Основные информаторы прессы – сотрудники ГИБДД, полиции и больниц, – кивнул Степан. – И ты, Вадим, прекрасно это знаешь.

– Какая разница, кто автор слива, – завилял хвостом Измирин, – о другом думать надо: как твою приятельницу и ее сестрицу от грязи отмыть.

– А что тут думать? Все очень просто: надо найти того, кто на самом деле лишил жизни Антонину Вольпину, – отрезал Дмитриев.

Глава 9

– Будешь пирожное? – спросил Степа, открывая меню.

– Конечно, – улыбнулась я. – Милое кафе, никогда здесь не была. Маленькое, но уютное.

– И готовят хорошо, – похвалил Дмитриев. – Ты кому звонишь?

– Сейчас услышишь, – пообещала я. – Как только ответят, включу громкую связь, благо посетителей, кроме нас, нет. Алло? Елена Ивановна?

– Да! – рявкнули из трубки. – Кому я понадобилась?

– Писательница Арина Виолова, – представилась я.

– Господи! А-а-а! Вы... вы... вас... а-а-а-а!

– Елена Ивановна, успокойтесь, – попросила я. – Поверьте, я никогда не была в квартире знахарки. И уж совершенно точно не убивала ее. Вы меня с кем-то спутали. Скажите, розовую куртку действительно сшили в одном экземпляре?

– Да, только для акции, потом ее подарили писательнице. То есть вам. Я вас видела! Узнала! Это были вы! – заорала тетка.

Мне хотелось сказать дамочке много «приятного», но пришлось сдержаться.

– Отлично. Теперь скажите, во что я была одета?

– В розовую куртку.

– Это я уже поняла. А еще что на мне было? – продолжила я.

– Шапка с помпоном, вы ее почти до носа натянули. Шарфик синий, на нем золотые буквы, вы им до ноздрей замотались. А волосы из-под головного убора торчали, по шее мотались. Светлые такие, – перечислила Михайлова.

– У вас отличная память, – похвалила я. – Брюки? Юбка?

– Не помню.

– Ботинки, сапоги, босоножки?

– Скажете тоже, босоножки, – хрюкнула собеседница. – Не лето на улице, что-то теплое на ногах было.

– А поточнее? Угги?

– Не заметила.

– Никакой другой одежды не разглядели, лицо почти полностью закрывали вязаная шапка и шарф, но вы уверены, что в квартире находилась Арина Виолова? – уточнила я.

– Конечно. Куртку только для вас смастерили в одном экземпляре, – попугаем повторила тетка.

– Одежду можно продать, дать поносить подруге. В конце концов, ее могли украсть, – вкрадчиво произнесла я.

Повисла тишина.

– Не подумала об этом, – ожила наконец Михайлова. – Нет, это были вы. На носу у вас сидели большие очки. В руках вы держали сумку.

– Опишите ее, – попросила я.

– Ну, обычная, – ответила свидетельница, – как у всех.

– Сумки у всех женщин разные, – не отставала я.

– Не помню, – призналась наконец Михайлова.

– Очки какие? От солнца? Оправа темная или светлая?

– Вроде простые очки, – промямлила собеседница. – Наверное.

Я откашлялась.

– Елена Ивановна, я подвожу итог. Вы вошли в квартиру и увидели лежащую на полу Антонину Вольпину. Так?

– Да, да, да... жуть... – завздохала Михайлова, – прямо в глазах потемнело от стресса, я ничего не видела.

– «В глазах потемнело, ничего не видела», – повторила я последние слова идиотки. – Но тем не менее разглядели женщину в розовой куртке. Она сидела? Стояла? Лежала? Прыгала?

– Ой, скажете тоже, – хихикнула собеседница. – Вы в секретере рылись.

– Ага... – протянула я. – Стояла к вам лицом?

– Спиной, – поправила Михайлова. – Я надпись про чай «Трифон» прочитала и сразу поняла, кто передо мной.

– Узнали меня только по спине? – уточнила я.

– По слогану, – объявила дама. – Затем вы обернулись.

– На голове шапка, натянутая почти до носа, – напомнила я слова свидетельницы, – на шее шарфик, который закрывал подбородок и рот. А еще большие очки. Так?

– Да, правильно, – согласилась Михайлова.

– Из-под вязаного колпака выглядывали светлые волосы, – продолжала я.

– Все именно так! – заявила Михайлова. – Дорогая Арина, я вас обожаю безмерно. И у меня есть предложение. Да, я сказала полицейскому, что видела вас, и это чистая правда. Понимаете, я очень разнервничалась: на полу мертвая женщина, рядом любимая писательница.

– Минуту назад вы говорили, что я находилась у секретера, а теперь, оказывается, я маячила возле убитой, – хмыкнула я.

– Комната небольшая, все близко, секретер в паре шагов от мертвой хозяйки находился, – зачастила собеседница. – Сейчас-то я понимаю, мне следовало не орать, не звать на помощь, а тихонечко шепнуть обожаемой звезде: «Убегайте быстрее, никому не скажу, что видела вас». Уж не сердитесь на меня за глупость, я готова все исправить. Ваш звонок меня окрылил, придал сил, наострил ум. Если придете ко мне домой в гости – поболтать, попить чайку, то скажу следователю, что перепутала, куртка была синей, а мне розовой со страху показалась, и что вас в квартире не было, другая баба там находилась. Жду вас прямо сегодня, сейчас адрес сообщу... Поняли меня? Или вы приезжаете ко мне поболтать, или я расскажу, как вы в целительницу ножом тыкали. Хочу вас спасти, избавить любимую писательницу от тюрьмы, но взамен...

Я быстро отсоединилась.

– Степа, слышал? Она сумасшедшая.

– Угу, – протянул Дмитриев, глядя в айпад. – Слушай, тут интересная вещь выясняется. Квартира, в которой жила знахарка, оказывается, вовсе не однокомнатная.

– А какая? – удивилась я.

– Антонина Семеновна Вольпина владела всеми апартаментами на первом этаже, – объяснил Степан. – Там располагаются две квартиры, одинаковые по площади. Изначально обе принадлежали Николаю Петровичу Кузнецову.

– Две квартиры одному человеку? – уточнила я.

– Верно, – подтвердил Степан. – Он их объединил и зарегистрировал это в БТИ. А спустя время презентовал Вольпиной.

– Подарил? – изумилась я. – Баба Тося его родственница?

– Не-а, – протянул Степан, – если верить документам, конечно. Может, любовница, гражданская жена...

– А сам Николай Петрович куда делся? – продолжала удивляться я.

– Он уже давно прописан по другому адресу: Малофеевская улица, дом восемнадцать, квартира не указана, – пояснил Дмитриев.

– Фаина уверяла, что Антонина жила в однушке, – протянула я. – Временно покинув Москву, целительница продолжала оплачивать коммунальные услуги, поэтому моя сестра могла там жить. Интересно, что связывает Вольпину и Кузнецова?

– А, теперь понятно, почему тут только номер дома написан, – сказал Степа, не отрывая взгляда от экрана, – это же пансион, именуется забавно – «Приятное место». Ага, еще яснее стало. На самом деле заведение сие – коммерческий дом престарелых, просто его назвали красиво. Давай рванем в интернат? Поболтаем с Кузнецовым.

– Сейчас там все уже спят, наверное, – охладила я пыл Дмитриева. – Посмотри на часы, вечер настал, в заведениях для стариков и инвалидов отбой рано наступает. Завтра скатаемся. Поехали домой. Ко мне.

– Может, ко мне? – предложил Степан. – В бассейне поплаваем, в баньке посидим.

– Не хочу оставлять Фаину одну на ночь, – пояснила я. – И утром должен прийти менеджер по муравьям.

Степан рассмеялся.

– Такие бывают?

– Фирма «Убьем всех» серьезно подходит к вопросу травли насекомых, – захихикала я. – Представляешь, начали расспрашивать, какой вид мурашей у меня по дому бегают, а я их идентифицировать не могла. Поэтому приедет специалист, который подберет нужный аппарат, электронный уничтожитель.

– Хорошо, поедем к тебе, – не стал спорить Степан, – только сначала зарулим в супермаркет. Тихий внутренний голос подсказывает, что у тебя в холодильнике ничего вкусного нет.

Глава 10

Утром, стоя у кофемашины, я услышала из коридора громкий голос Дмитриева:

– Вилка, где мой халат?

В ответ раздался визг.

Я вышла в коридор.

– Шлафрок в санузле на стойке, там, где всегда.

Степан, стоявший ко мне спиной, обернулся и попятился.

– Это кто?

– Прекрасный вопрос, – хмыкнула я. – Разрешите представиться: хозяйка квартиры, Виола Тараканова, под псевдонимом «Арина Виолова» пишу детективные романы.

– А в твоей ванной тогда кто? Почему она в твоей пижаме? – недоумевал Степа.

– Там должно быть пусто, – ответила я, подошла к двери и распахнула ее.

Стоявшая у раковины женщина, на голове которой был тюрбан из полотенца, завизжала.

– Фаина, зачем так орать? – осведомилась я.

– Думала, опять мужик прется, – выдохнула сестра. – Влез без стука!

– Почему ты в этой ванной? – задала я вопрос.

– А какой надо пользоваться? – растерялась новоявленная родственница.

– Той, что прилегает к гостевой спальне, – пояснила я. – Ты находишься в моем санузле. Да еще нарядилась в мою пижамку.

– Прости, пожалуйста, – смутилась младшая сестра, – я думала, в квартире только один душ. Костюмчик висел на крючке, я решила, что ты его мне приготовила, на боку бирка не отцеплена.

– А ведь я показала тебе вчера все необходимое, – напомнила я.

– Извини, забыла, – призналась сестра. – Ты же не сердишься?

– Конечно, нет, – ответила я. – Чистый халат ждет тебя в другой ванной.

– Эта пижамка такая красивая, – вздохнула Фаина. – Розовая, принт в виде кошек... У меня такой никогда не было. Дорогая, наверное?

– Нет, – улыбнулась я, – если она тебе нравится, то забирай ее себе. Пижамка новая, я купила ее в субботу и ни разу не надевала. Даже, как ты правильно заметила, бирки не отрезала.

– Ой! Спасибо! – обрадовалась Фаина и сдернула с головы полотенце. – Мне так неудобно... Ты такая добрая, внимательная, не жадная!

– Ты покрасилась? – спросила я.

– Да, – кивнула Фая, – решила стать такой блондинкой-блондинкой! Встала специально сегодня пораньше. Мне идет?

– М-м-м... – пробормотала я. – Цвет красивый, глаза стали ярче. Но, понимаешь, ты вовсе не белокурая. Ну прямо вот совсем не блондинка.

Фаина, стоявшая лицом ко мне, развернулась на сто восемьдесят градусов, глянула в зеркало и завопила:

– Кто там? Чье это отражение?

– Твое, – пояснила я.

– Почему я похожа на ворону? – орала гостья.

– Что у вас случилось? – любопытствовал из коридора Степан и без спроса всунулся в ванную. – О! Фаина, вы смелая женщина. Не всякая решится на столь радикальную смену имиджа, выглядели, как Вилка, а сейчас прямо эфиопка.

– Не хотела становиться брюнеткой, – уже тише произнесла Фая, – собиралась из светло-русой превратиться в блондинку-блондинку.

– Каким средством пользовалась? – уточнила я.

– Из подарочного пакета, ты сама разрешила его взять, – заканючила Фаина, – вот он стоит на пуфике.

Я заглянула в бумажный мешок и вынула тюбик.

– Колер «сияющее руно».

– Там их два было, я думала, они оба одинаковые, – жалобно уточнила Фаина. – Совсем я страшная теперь, да?

– Вам очень идет, – дипломатично заметил Степан.

– Иногда бывает необходимо кардинально измениться, – подхватила я. – А знаешь, тебе к лицу новый образ. Походи так. Когда надоест, перекрасишься.

– Хм, и правда, – повеселела Фаина.

– Приводи себя в порядок и приходи в столовую, – предложила я.

– Я принял ее за тебя, – сказал Степан, когда мы вдвоем очутились на кухне. – Фаина стояла в пижаме, которую ты при мне купила, на голове полотенце. Со спины вы очень похожи.

– Тебе сделать эспрессо? – спросила я. – Или хочешь капучино?

Степан не успел ответить, из прихожей раздался звонок.

– Эксперт по муравьям приехал, – обрадовалась я. – Надо же, прямо как курьерский поезд, ни на минуту не опоздал.

– Он сейчас примется насекомых травить? – насторожился Дмитриев. – Начнет всякую дрянь распылять?

– Нет, – успокоила я Степу, – он установит электронный прибор, никаких противных запахов не будет.

– Это хорошо, – сказал Дмитриев. – Один раз там в офис морильщика вызвал, так потом неделю жутко воняло, и мы серый порошок из всех бумаг вытряхивали.

Я открыла входную дверь.

– Здравствуйте, вы от фирмы «Убьем всех»?

– Добрый день, – весело улыбнулась девушка, одетая совершенно не по погоде – в тонкую короткую куртку и укороченные светлые джинсы. – Все правильно. Меня зовут Таня. А вы Виола Тараканова?

– Верно, – подтвердила я. – Мне сказали, что специалист подберет нужный прибор в зависимости от вида живущих у нас муравьев.

– Точно, – засмеялась Таня. – Они такие гадкие! Сейчас изучу их, и все будут супер.

– Фу... – передернулась я. – Будете ловить муравья, чтобы его рассмотреть?

– Конечно, – кивнула Таня, – но сначала надо оглядеть ваши апартаменты.

– Зачем? – удивилась я.

– Насекомые невозможно пронырливые, – растолковала девушка, – на пищеблоке на виду, а в спальне нет, но они точно там есть, просто не показываются.

– Какая гадость! – воскликнула я. – Хорошо, давайте устрою вам экскурсию.

Мы с Таней стали бродить по комнатам, гардеробным, санузлам. Девушка очень внимательно обследовала каждый угол и, к счастью, незваных гостей не обнаружила. Пока Татьяна ходила по апартаментам, мы с ней очень мило беседовали на разные темы. К нашему разговору примкнула и Фаина. А вот Степан почти сразу после появления Тани уехал на службу.

Наконец сотрудница фирмы «Убьем всех» отправилась в прихожую, влезла в свою слишком легкую для февраля курточку и сказала:

– Я отправила результаты обхода нашему главному специалисту, он скоро придет. Я всего лишь младший помощник, мне не доверяют принимать решения. А начальник сам по квартирам клиентов носиться не станет, не царское это дело. Черновую работу для босса другие делают.

– В квартире обязательно кто-то будет, – пообещала я. – Хотите чаю?

– Спасибо, с удовольствием бы, но мне еще пять адресов обойти надо, – грустно сказала Таня. – У меня огромная просьба. Вы же писательница Арина Виолова? Может Фаина мое фото с вами сделать? В полный рост. Мы с мамой так любим ваши книги! Прямо фанатеем. Я, когда имя заказчицы – Виола Тараканова – увидела, сразу поняла, к кому домой попаду.

– Ну, конечно, – заулыбалась я. – Фая, будь добра, щелкни нас.

– Ой, какая вы милая! – восхитилась Таня. – А можно теперь я вас вместе с Фаиной запечатлю? Маме покажу. Если это очень нагло с моей стороны, то простите. Так хочется селфи с вами обеими!

– Ну, я-то совсем не звезда, – сконфузилась Фаина.

– Зато сестра самой Виоловой! – с придыханием заметила Таня. – Простите меня за назойливость, но очень хочется... На память... Я же к вам больше никогда не приду!

Проводив Татьяну, я набрала номер Степана и сказала ему:

– С истреблением муравьев все не так просто. Девушка отправила отчет своему начальнику. Ей не доверяют самой определять тип нужного прибора. Придется ждать мужчину, когда он явится, не ясно. Вдруг не скоро? А мы ведь хотели поехать в дом престарелых к Николаю Петровичу Кузнецову.

– И что тебе мешает осуществить план? – удивился Степа.

– Говорю же, муравьеморитель приедет, надо его дожидаться, – повторила я. – Вчера он так и не появился.

– Так пусть Фаина мужика встретит, ей-то на работу не надо.

– Точно! – обрадовалась я. – И почему я сама не сообразила?

– Потому что обладаешь неженской привычкой все делать самой, – хмыкнул Степан. – Встречаемся в офисе. Бросишь тут свой драндулет, поедem на моем джипе.

– Йес, босс! – засмеялась я.

Глава 11

– У нас нет номера комнаты, – вспомнила я, когда Степан припарковал машину неподалеку от интерната.

– Эка проблема, – усмехнулся Степан, – здесь точно найдется дежурный. Пошли.

– Тут уютно, – пробормотала я, когда мы с Дмитриевым вошли в просторный холл, – но почему-то у входа нет вывески.

– Добрый день, господа, – пропела женщина на ресепшен, – приветствую вас в прекрасном месте.

– У вас очень мило, – сделала я комплимент, – место и правда приятное.

– Это название нашего пансиона, – пояснила администратор «Приятного места». – Вы по делу? Или случайно зашли?

– В каком номере проживает Николай Петрович Кузнецов? – спросил Степан. – Мы к нему.

– Вы хотите навестить Николая Петровича Кузнецова? – изумленно спросила служащая.

– Да, – подтвердила я.

– Присядьте, пожалуйста, – попросила дежурная и схватилась за телефон.

– Майя Владимировна, пришли два человека. Они просят отвести их к Кузнецову. Нет, к Николаю Петровичу. Совершенно точно к нему. Я уточнила, но раз вы настаиваете, спрошу еще раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Т а т ь – вор. Устаревшее слово. (Здесь и далее примечания автора.)

2

Щ и п а ч – вор-карманник.

Биография Виолы рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки».

Купить: <https://tellnovel.com/darya-doncova/inkognito-s-brodveya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)